

**СТИХОТВОРЕНИЯ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО,
рекомендуемые оргкомитетом Всероссийского песенного конкурса
композиторов «Те песни, что пела нам мать»**

МАЛЬЧИКАМ

Пусть достанутся мальчикам самые лучшие книги —
Описания неба, строений и горных пород,
Трудовых инструментов — от камня до первой мотыги,
Незнакомых народов и климатов разных широт.

Мы об этом и сами когда-то ревниво мечтали, —
Пусть на стол им положат усталых моторов сердца,
Механизмы часов и машин потайные детали,
И они их сломают, но смогут узнать до конца.

Дважды два — не четыре и дважды четыре — не восемь.
Мир еще не устроен, как это ему надлежит.
Бьют железом о камень. И воздух грозовый несносен.

И война, как чума, по Европе еще пробежит.
Пусть достанется мальчикам столик с чертежным прибором,
Шкаф для верхнего платья и этот особый уют,
Создаваемый жесткими полками в поезде скором

И летящими шторами узких военных кают.
Пусть достанутся мальчикам двери, открытые настежь,
Одинокие звезды, зажженные нами во мгле,
И мечта о нелегком, никем не разведанном счастье
На еще неуютной, еще предрассветной земле.

* * *

Идет над миром полночь фронтовая.
Мы это время чувствуем сильнеей,
Когда мы спим, сапог не разувая,
Не ослабляя плечевых ремней.

Когда, успев забыть об освещенье,
Весь мир как бы навеки затемнен.
И скрытое идет перемещенье
Грузовиков и танковых колонн.

Когда к дороге бор подходит хмурый
И кто-то там старается в бору,
Переставляя на доске фигуры,
Чтобы к утру опять начать игру.

Когда, всю ночь на славу поработав,
Стволы не остывают от стрельбы.
И долго после сбитых самолетов

Не сходят с неба черные столбы.

А за открытым пологом палатки
Уже намечен завтрашний рассвет
В разрывах туч и в желтой лихорадке
Прожекторов и световых ракет.

* * *

Валдайская земля, люблю твой синий взор
И черноту твоих надежно сбитых бревен,
И зеленцу болот, и бледный пар озер,
И луковки церквей, и маковки часовен.

Люблю я твой уклад, что разом стар и нов
На стыке прошлого и будущего века,
И четкость всех тонов и всех полутонов,
Какие только есть у Феофана Грека.

Люблю твои снега в пристрастном свете дня,
Твои луга в цветах и их покров узорный.
Хоть бога я забыл и бог забыл меня,
Ты для меня была как Спас нерукотворный.

Я пил из всех ручьев, на всех ветрах продрог,
Я столько верст прошел, не ведая привала.
Наверно, потому, что я тебя берег,
И ты меня в пути от смерти укрывала.

* * *

Огненная трасса пулемета
С треском пробежала по стеклу.
Ранили военного пилота
Далеко во вражеском тылу.

Неподвижным и ослепшим взором
Вглядываясь в ледяную ночь,
Он теперь летел не по приборам, —
Карты не могли ему помочь.

Вопреки законам притяженья,
Отряхнув с себя земную власть,
Он упрямо продолжал движенье,
Не желая сдаться и упасть.
Все, что было издавна знакомо,
Он сквозь слезы смутно узнавал.
Сел на самый край аэродрома
И ничком свалился на штурвал.
А вокруг в размеренном порядке
Жил прифронтовой аэродром.
Стайка «ИЛов» поднялась с площадки,
Утренним сияя серебром.

Шли друзья, желая с ним проститься,
Длинный след оставив за кормой.
Говорят, что раненые птицы
Прилетают умирать домой.

* * *

Когда от неба и до земли
Летели клочья седого дыма,
И только люди сносить могли
Все, что для камней невыносимо;

Когда, одетый в огонь и дым,
Мир накренился, как в бурю судно,
И было трудно лежать живым,
А мертвым было уже не трудно;

Когда под скрежет весенних льдин,
Прощаясь с миром последним взглядом,
Я оставался в снегу один,
А немцы были почти что рядом;

Когда, разбужен ночной стрельбой,
Весь лес был полон предсмертной дрожи,
Я не прельщался другой судьбой,
Я повторял лишь одно и то же:

Жить не украдкой, жить не ползком,
Подобно горной лететь лавине.
Мне нужно счастье все, целиком,
Мы не сойдемся на половине!

* * *

Я столько прошел и проехал с тобой
Железных дорог и шоссейных дорог.
И столько гремело над нашей судьбой
Житейских тревог и воздушных тревог.

И столько легло между нами сейчас
Родных городов и чужих городов,
И столько прошло, разлучающих нас,
Дневных поездов и ночных поездов,

И столько на долю на нашу пришлось
Бескровных эпох и кровавых эпох,
И столько при этом стоптать довелось
Парадных сапог и походных сапог,

И столько друзей я оставил в пути,
О всех безвозвратно ушедших скорбя, —
Что мне никогда, никого не найти
Дороже тебя и роднее тебя.

* * *

Опять я был на родине в Донбассе,
Где дни всегда в работе коротки,
Где ночью у строителей на трассе
Мигают путевые огоньки.

Опять его привычки и законы,
Как в детстве, были властны надо мной,
И царственно дымились терриконы,
И в доме пахло горечью степной.

Опять с сыновней нежностью сквозь слезы
Я различал свой город на холме,
В тот час, когда ночные паровозы
Друг друга окликают з полутьме.

Опять шептались вербы на привале
И летний дождик шлепал в тишине,
Как будто бы прохладу доставали
Из погреба в посуде гончара.

Опять мои скитанья и прогулки
Сопровождал невнятный гомон дня.
Опять я был в Полтавском переулке,
Где липы помнят маленьким меня.

Они стерпели все бои и вьюги,
Поникшие под тяжестью ветвей,
Как старые и добрые подруги
Давно прошедшей юности моей.

Свой путь в степи огнями отмечая
И, как обвал, дымясь со всех концов,
Лежит в цветах сухого молочая
Донбасс, Донбасс – земля моих отцов.

* * *

Воздух полон игольчатой пыли.
Лес затейливо убран зимой.
Мы немало по свету бродили,
Нам пора возвращаться домой.

На вагонные выйдя ступени,
В это утро проснувшись чуть свет,
Я отчизны своей приближенье
Узнаю по десяткам примет.

На снегу, где пролег первопуток,
Пересчитывай каждый карат.
Чувство Родины в эти минуты
Обостренное в тысячи крат.

Это все не отсечь, не отрезать,
Это с нами навечно уже, —
Так рука примерзает к железу,
Так душа прикипает к душе.

Только скорый в смятенье и гrome
Тишину потревожит на миг.
И стоит этот маленький домик
На скрещенье путей мировых.

И вдоль зданья вокзала, вдоль башен,
Вдоль столбов, что бегут на восток,
Первым вестником Родины нашей
Пограничный летает снежок.

* * *

Е. М.

И все, как десять лет тому назад:
И та же речь, и тот же самый взгляд,
То смелый, то сдающийся на милость,
То искра смеха, вспыхнувшая вдруг,
То слово ласки, сказанное вслух, —
Меж нами ничего не изменилось.

Желанье всем на свете поделиться,
Стремленье с полуслова сговориться,
Пережить и дождь и снегопад.
В дорогу, не промедлив, собираться
И, даже расставаясь, не расстаться, —
И все, как десять лет тому назад.

Уменье быть, когда настанет срок,
Необходимой, как воды глоток
В жару из деревенского колодца.
Ни мелочей, чем нас пытается быт,
Ни жалких ссор, ни суетных обид,
След от которых где-то остается.

Искусство ошибаться, ушибаться,
И все-таки при этом улыбаться,
И все равно не отступать назад.
Платить мне тем, чего я и не стою,
Всех одарив своею добротою, —
И все, как десять лет тому назад.

Дождь отшумел, деревья вмиг намокли.
Все сразу стало ярче, чем в бинокле,
Отчетливо до боли и светло.
Гляжу на мир, прищурившись от света,

И так хочу я, чтобы чувство это
В привычку никогда не перешло.

Готовность быть надежной опорой
И помощью спасительной и скорой,
Когда сердца и те стучатся в лад.
Без жалости терять, но не теряться,
Умение мирить и примиряться, —
И все, как десять лет тому назад.

* * *

Мне в жизни любую невзгоду
Забить помогала всегда
Не праздная скука, не отдых,
А добрая тяжесть труда.

Лишь стоит над первой страницей
Задуматься только на миг,
Как сразу к тебе возвратится
Уверенность в силах своих.

Я с подлостью, ложью и злобой
Сейчас совладаю вполне.
А ну-ка, мой недруг, попробуй,
Рискни подступить ко мне!

Не властна уже надо мною
Разменная мелочь обид,
Когда над работой ночною
Настольная лампа горит.

Одно за другим возникая,
Препятствия рушатся в прах.
И ясность приходит такая,
Как утром бывает в горах.

Пусть с множеством горестей связан
Твой вечно рискованный труд,
Он весь окупается сразу
За несколько этих минут.

РОДНОЕ

Распахнуто в ночь окно,
И музыка на террасе.
Давно я уже, давно,
Давно не гостил в Донбассе.

Давно потерялась связь
Меж детством моим и мною.
Давно не дышал я власть

Полынью его степною.

Давно не сбегал к реке,
Где лодка к кустам прибита.
Давно не держал в руке
Донецкого антрацита.

Как надо бы мне опять
Сыскать переулок милый,
Без спутников постоять
Над маминою могилой.

Встречаю ли поезда,
Знакомые ль вижу лица —
Сегодня мне никуда
Не следует торопиться.

Вбегаю на косогор,
Разбужен зарею ранней,
Как будто веду я сбор
Свидетельских показаний.

Вот низенький палисад,
Вот старая наша школа,
Где много годков назад
Встречал меня друг Микола.

Вот верная тень ольхи,
Глядящей в окно неловко, —
Не раз я свои стихи
Писал под ее диктовку.

Мир детства, земля труда,
Истоки живых традиций —
Приехать хоть раз сюда,
Как свежей воды напиться.

На мокром пишу песке,
Присев на пригретый камень.
На южном их языке
Балакаю с земляками.

И дороги мне до слез
И ласка их и забота.
И тем, что среди них я рос,
Я только и стою что-то.

Вот падает в ночь звезда,
Как будто задули спичку.
Вот встречные поезда
Затеяли перекличку.

Затоны Донца-реки
Уже хорошо прогреты.

Шахтерские городки —
Мои университеты.

КОСТЕР

С этим чувством знакомы вы сами
И, наверно, поймете меня.
Здесь могу пропадать я часами,
Изучая законы огня.

У него что ни миг, то причуда.
Вот он в хворост шмыгнул и — молчок.
А потом неизвестно откуда
Он покажет мне свой язычок.

Вот взлетает он в сумрак осенний,
По валежнику хищно скользя.
И характер его изменений
Угадать и предвидеть нельзя.

Сквозь золу и сквозь пламень крылатый
Я разглядывать долго готов
Очертания живших когда-то
И погибших в огне городов.

Средь столбов раскаленного праха,
Устремленных в слепой небосвод,
Кто-то руки ломает от страха
И на помощь кого-то зовет.

Пробиваясь в дымящемся хламе,
Через трещины тлеющих плит,
Человеческим голосом пламя
О погибших надеждах кричит.

Вижу я искаженные лица,
Ясно слышу набатную медь —
И никак не могу научиться
На огонь равнодушно смотреть.

ПАМЯТИ ДРУГА

1

Был у меня друг,
Знавший тайну песни.
Мы частенько вслух
С ним певали вместе.

Так скворцы поют,
Не по нотам даже.
Так в деревне вьют
Нити тонкой пряжи.

Так поет смычок,
Верный теме вечной.
Так поет сверчок —
Вокалист запечный.

Друг мой заведет,
Я, негромко вторя.
Так поет народ
В радости и в горе.

О друзьях скорбя —
Слезы в горле комом, —
Пели для себя,
Нравилось знакомым.

Слушал Дон да Буг,
Вятка да Калуга.
Был у меня друг,
Нет у меня друга.

2

Ты над ним хоть снежной тучей,
Край родной, склонись.
Отгулял твой самый лучший,
Первый гармонист.

Наряжаются березки
В зимний свой наряд.
Замолчали подголоски,
Голоса молчат.

Не проснутся, не зальются
Вновь лады твои.
В Комарово не вернуться
Больше соловьи.

Не расстелет в долах ровных
Вьюга свой покров.
И не будет подмосковных
Синих вечеров.

И не хватит мне усилий
Совладать с бедой.
Вася, Васенька, Василий
Соловьев-Седой.

«ПЕРВЫЙ-ВТОРОЙ»

Как по школьной линейке выровняв строй,
Рассчитались ребята на «первый-второй».

А к чему торопиться с подсчетами им,
Кто из них будет первым, кто будет вторым.

В бесприютную стужу ненастной порой
Сорок Первый — кончался, шел — Сорок Второй,

Только как ни рассчитывай, как ни дели,
Все равно они вместе в атаку пошли.

И остались лежать под невзятой горой
Кто — от первой гранаты, а кто — от второй.

Рассчитались ребята на «первый-второй»,
И укрыли их всех плащ-палаткой сырой.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СЕВЕРНОЙ ТЕТРАДИ

1

Навсегда в полоне я
У твоих основ, —
У твоих, Олония,
Серых валунов.

У твоих насупленных
Елочных ветвей.
У искусно рубленных
Храмов и церквей.

(С утренними зорями,
Бьющими в окно.
С тем, что опозорено
И разорено.)

У слывущих баскими,
Чтимых испокон,
Обжигавших красками
Вытегрских икон.

У амбаров струганых,
У лесных грибниц.
У твоих непуганых
Величавых птиц.

У твоих пронзительных
Песен и речей, —
Смолкнувших сказителей,
Вымерших плачей.

У холмов немислимых
С тропкою крутой.
У богатств бесчисленных —
Рядом с нищетой.
У плетенных вепсами
Хлебниц, лубяных,
Вышитых невестами
Фартуков льняных.

У тишайшей осени
Без возни мирской,
Где на Белом озере
Царственный покой.

У полоски клеверной
В капельках росы,
У студеной северной
Замкнутой красы.

И СНОВА ДОМА...

Рассветный луч вдоль всей Лугани рано
Прошёлся, как по узкому ножу.
Я ваш, я ваш, донецкие курганы,
Я безраздельно вам принадлежу.

Здесь путая украинский и русский,
Я находил свой первый в жизни стих.
Я ваш, я ваш, подъёмы или спуски
Каменнобродских улочек крутых.

Вы с детства нам умели откликаться,
Вникали в наши правила игры.
Я ваш, я только ваш, цветы акаций
И южные открытые дворы.

Мне не собрать все солнечные слитки,
Ходящие на стрежне ходуном.
Я пленник ваш, тесовые калитки
И огненные мальвы под окном

Мне по сердцу степные эти воды,
Бормочущие что-то по весне.
Важнее генетического кода
Донецкий код, таящийся во мне.

И что теперь нам, край родной, считаться,
Коль мы сродни по крови и судьбе,
Коль в двадцать лет я смел с тобой расстаться,
Чтоб в семьдесят опять прийти к тебе.

ВРЕМЕНА ГОДА

Я люблю тебя вишнею,
Не идущей — летящею,
Зачарованной здешнею
Подмосковною чащею.
То девчонкой, та взрослою.
То всесильной, то слабою,
Всю в цветах бело-розовых,
Облетающих с яблони.

Я люблю тебя летнюю,
Волны режущей бурные,
Золотою и светлою,
Будто камешки с Юрмалы.
В непогоду отчаянно
Снявшей платье хлопчатое,
Там, где дюны песчаные
Слепки с тела печатают.

Ты мила мне осенняя,
И такой тебя вижу я,
Словно дождик рассеянный,
Темно-русой и рыжею.
В кофте пестрой и тоненькой,
Той, что нами любимая,
И пропахшей антоновкой
С черноплодной рябиною.

Я люблю тебя зимнюю
На морозе сочельника,
Всю в нетающем инее,
Точно поросли ельника.
Незнакомой с обидою
Или ссорою громкою
И такой неожиданной,
Как ледок под поземкою.

* * *

Такое никогда не встретишь в городах,
На людных площадях, в кварталах беспокойных,
Все птицы, что живут на Чистых на Прудах,
Слетаются с утра к тебе на подоконник.

В весеннее окно врывается сквозняк.
И, видимо, о том оповещен весь город.
Иначе как понять, что здесь всегда возня,
И этот легкий пух, и эти птичьи споры.

За то, что я ценю внимание твое,
И мне перепадет хотя б огрызок булки.
Ведь я из стайки тех бездомных воробьев,
Которых ждет приют в Лобковском переулке.

Ты добротой своей даешь уроки мне,
И сколько буду жив, обязан ей учиться.
Вот ты сейчас опять появишься в окне...
Благословлен тот дом, который любят птицы.

* * *

За кустами тамариска
Южно пахнет львиный зев.
Ласточки летают низко,
Значит, скоро быть грозе.

Словно понимают птицы,
Дерзко ринувшись в полет:
Что-то здесь должно случиться,
Что-то здесь произойдет.

Над леском и над болотцем
Вслед за кругом чертят круг,
И всему передается
Их смятенье и испуг.

Камень этот крутолобый,
Склон ли берега крутой,
Дышит все сейчас особой
Грозовой духотой.

Чтобы тиною и ряской
Все вокруг не зацвело,
Мир нуждается во встряске,
В переписке набело.

Над рядами обелисков,
Где не счесть моих друзей,

Ласточки летают низко,
Значит, скоро быть грозе.

Я ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ВЫ ЗНАЛИ...

Я хотел, чтоб вы знали, что я любил, что я больше всего
любил на свете:
Высыхающие на прибрежном ветру йодом, солнцем и
солью дубленые сети,
На пороше крестики воробьиных следов, отпечатанные
во множестве копий.
Разноцветные камни на дне ручья, пересыпающиеся,
как в калейдоскопе.
Остроугольные тени гор, так отчетливо вырезанные в
долинах.
В затемненной комнате Млечный Путь, образуемый
миллионом пылинок.
Морду пса, что сидит со мной у костра и смотрит на
пламя спокойно и мудро.
Свежие голоса петухов, без которых не наступило бы
утро.
Запах стружек из мастерской, такой густой и такой
смолистый.
Свет электрических фонарей, пробивающихся сквозь
кленовые листья.
Вертикальные дымки из труб над крышами северного
селенья.
Бочки, ошпаренные кипятком, приготовляемые для
соленья.
Сырость летней дороги, умытой дождем, унавоженный
теплый воздух хлева
И единственный на земле аромат только что испечен-
ного хлеба.
Все тона и полутона, воспоминания и узнаванья,
Все те подробности и пустяки, без которых немислимо
существованье.

ПЕСНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Вот уже даль дневную
Скрасил вечерний свет...
Что же меня волнуют
Песни военных лет?

Словно напомнить хочет
Нам о былой поре
Синенький ли платочек,
Песня ли о Днепре.

Душу мою согрейте,
Струны задев одна.
Тех «Вечеров на рейде»
Трепетные слова.

С первого взгляда, может,
В них ничего и нет.
Что ж меня вновь тревожат
Песни военных лет?

Что-то для нас святое
Скрыто и их глубине.
Строки, какие стоя
Хочется слушать мне.

Стершиеся чернила,
Выцветшая тетрадь.
Строки, с какими было
Легче нам умирать.

Песни поры военной,
Что сберегли для нас
Весь неприкосновенный
Наших сердец запас.

ПАМЯТНИК-РОДНИК

Обычный родничок, особенный родник,
Отсюда не одно пригубит поколение,
Средь угловатых скал ты в память тех возник,
Кто не пришел с войны з родимое селенье.

Кто под огнем полег, издав предсмертный крик.
Кому грозили плен и «уманьская яма».
Но вперекор всему ты, памятник-родник,
Как жилка на виске, пульсируешь упрямо.

Молитвенно гляжу на светлую струю.
На тонкий ручеек, что рек любых бездонней.
И, на колени встав, твою прохладу пью.
Подставив под нее дрожащие ладони.

В своей скупой красе ты скромн и велик.
Кем был из мастеров обычай этот начат?
Ах, памятник-родник, ах, памятный родник.
Что вынес твой народ, когда здесь камни плачут.

Люблю твой простор величавый
И тишь городских уголков,
Где встретилаcь прошлая слава
Со славою новых веков,
Мозаику древнего храма,
Спокойной реки серебро.
Одетую в бронзу и мрамор
Подземную сказку метро.
И небо, взлетевшее круто
Над валом кремлевской стены,
В котором зарницы салютов
Еще и поныне видны.
Ты вечно стремишься к полету
Ты трудишься в недрах земных.
Страна начинает работу
По звону твоих позывных.
Звучит твое имя, как эпос,
На сотнях людских языков,
Москва – нерушимая крепость,
Стоящая восемь веков.

АПРЕЛЬ

Начиналось с того, что воронки
Проросли прошлогодней травой.
Начиналось с того, что в стороне
Подбоченился тополь кривой.

Начиналось с того ночного озноба,
С отсыревших углов в блиндажах.
Начиналось с полян и сугробов,
Ноздреватых, как хлеб на дрожжах.

А кончалось привычно, как дома,
Сладким клеем на тонкой коре,
Перепалкой весеннего грома,
Переключкой скворцов на заре.

* * *

Мне диктовала строки непогода.
В сырой землянке, ночью или днем,
Я рифмовал четыре с лишним года
Бетон с железом и свинец с огнем.

И если эти записи былого
Я вновь тебе при встрече перечту,
Пускай тебе придет на память снова
Хотя бы привкус пороха во рту.

И ты, объятый прежним ощущеньем
Давно прошедших и забытых дней,
Быть может, остановишься с волненьем
Перед пехотной музою моей.

У ИСТОКА ВОЛГИ

Не приметен ничем, не широк,
По просторам валдайского края
Еле слышно журчит ручеек,
Меж камнями путь выбирая.

То он моет прибрежный песок.
То внезапно в кустах пропадает,
И не знает еще ручеек,
Что его впереди ожидает.

Сколько верст ему надо пройти,
Сквозь какие преграды пробиться,
Сколько рек с ним сольется в пути,
Сколько чаек над ним закружится.

Сколько долгих минует годов,
Сколько воли разойдется кругами.
Сколько встанет больших городов
Над крутыми его берегами.

Молодые осинки растут
И кустарники слева и справа,
Как поверишь, что именно тут
Начинается волжская слава?!

От воды потемнели мостки,
Плеск и шорох слышны временами.
Это тайна рожденья реки
Возникает сейчас перед нами.

Начинаешь ли первой строкой
Смелый замысел нового тома,
Или камень своею рукой
Ты кладешь в основание дома,

Или в трудный рискованный путь
Ты с друзьями уходишь надолго, —
Никогда и нигде не забудь:
Ручейком начинается Волга!

ГРУЗОВАЯ КОНТОРА

Тишина грузовой конторы,
Волга плещется у дверей.
Мы на пристани Переборы —
На развилке пяти морей.

У начальника дела много,
До утра ему не уснуть.
Здесь большая легла дорога —
Нашей родины водный путь.

Тянет горьким дымком от плесов.
Что начальник наш заскучал?
С незажженной папиросой
Тихо вышел он на причал.

Что он вспомнил? Былую славу
Или спутников прежних дней?
Он и сам ведь по Волге плывал
И навек породнился с ней.

С каждой отмелью и затоном
Не по картам он был знаком.
Здесь работал он плотогоном,
Мотористом и рыбаком.

В Нижнем высидит две недели —
И ищите опять его!
Так что Волга и в самом деле
Стала матерью для него.

С нею он в непогоду спорил,
С ней любую беду встречал.
А теперь в грузовой конторе
Встать пришлось ему на причал.

Усадили в коморке тесной:
Не волнуйся, мол, не кричи...
Ведь болезни, давно известно,
Сами выдумали врачи!

Только Волга и здесь, в конторе,
Входит в каждый его расчет.
С ней он делит любовь и горе,
Ею дышит он и живет.

Караваны идут ночные,
Нефтевозы и катера.
И на все это накладные
Нужно выписать до утра.

Здесь катушки стальных канатов
Для строительства новой ГЭС,
Здесь плывущие на Саратов
Хлеб и уголь, цемент и лес.

Баржи движутся вереницей,
Чайки кружатся день-деньской,
И бухгалтерских книг страницы
Пахнут рыбою и пенькой...

Теплоход отбывает ранний,
Волны катят вперегонки,
И проходит пред ним в тумане
Бесконечная жизнь реки.

ПОСЛАНИЕ К СТАРЫМ ДРУЗЬЯМ

Пять лет мы шагали вместе,
в солдатский наряд одеты,
Друзья мои, журналисты,
бойцы фронтовой газеты.
Пусть были дороги наши
порою трудны и тяжки,
Мы честно служили Музам
в армейской многотиражке.
Служили стихом и прозой,
огнем эпиграммы меткой
И даже простой и смертной
в четыре строки заметкой.
Бесстрашие, смерть, атака,
победы салют весенний —
Вот это и есть конфликты
всех наших произведений.
Мы, выполняя к сроку
редакторские заданья,
Объехали полпланеты

посредством голосования.
Был краток наш стиль, как выстрел,
язык был правдив и гневен.
Мы помним вас, Петя Лидов,
Лапин, Петров, Хацревин.
Так вот почему порою
еще и сейчас мне снится
Пропахшая свежей краской,
отгиснутая страница.
И часто я вспоминаю
тех грозных годов приметы,
Друзья мои, журналисты,
народ фронтовой газеты.
Мы с вами встречались в Ржеве,
на Волге и на Кавказе.
Как жалко, друзья, что нынче
разладились наши связи.
У нас и характер тот же,
у нас и стремленья те же,
Так что ж на листах газетных
встречаться мы стали реже?!
Неужто мы жар душевный
растратили на «летучках»
Иль, может быть, все чернила
у нас пересохли в ручках?
Встает рассвет пятилетки.
Прохладно еще и сыро.
Целинная степь дымится,
как в день сотворенья мира.
Над Волгою канонада
весенней слышна порою,
И ей отвечает эхо
в Сибири, над Ангарою.
Летит наш бывалый «газик»,
не ведая остановок.
Как много еще на свете
есть мест для командировок
Так пусть, как всегда, набатом
гремит, не ослабевая,
Душа публицистики нашей —
поэзия боевая.
Ведь этого требует дело,
которому все мы служим
Пером своей вечной ручки —
почетным своим оружием!

НЕМОЕ КИНО

Стрекотал аппарат. Было в зале темно.
Мы недавно смотрели немое кино.
Словно дождь по экрану бежал проливной,

И видения детства росли предо мной.
И мелодии, с давних забытые пор,
На рояле брэнчал постаревший тапер.

Снова волны, что оператор заснял,
Через тридцатилетье к нам хлынули в зал.
И, минуя исхлестанный волнами мол,
Броненосец «Потемкин» в бессмертье шел.
И неслышные всадники двигались вскачь,
И беззвучно трубил через годы трубач,
Проносились теплушки в огне и дыму, —
И глядел я и верил, как в детстве, всему.

Мне казалось, что, выйди сейчас из кино,
И увидишь все то, что исчезло давно:
Едет «Аннушка» в свой стародавний маршрут,
На Мясницкой мальчишки ирис продают,
Два извозчика спят у Никитских ворот,
Маяковский стихи в «Комсомолку» несет.
Не дописаны строки великих трудов.
Юность века. Начало двадцатых годов...

Вот и кончен сеанс. Все бледней полотно,
Вновь историей стало немое кино.
Дождь по улице шарил, кого-то ища,
Забираясь за поднятый ворот плаща.
Мчались фары машин в дождевой полосе.
Отражались огни в Ленинградском шоссе.
Все я брел и не мог догадаться, чудак,
Почему иногда получается так:
Есть широкий экран, есть и звук, есть и цвет,
А искусства, искусства, пожалуй, и нет!

КАЛУЖСКАЯ НОЧЬ

Прозрачней становится к вечеру воздух,
И чувствуешь ясно вращенье Земли.
Зажглись над Калугою крупные звезды,
Как будто бы мы в планетарий вошли.

То поезд окликнет тебя за горою,
То где-то рассыплется топот копыт,
И снова молчанье, лишь слышно порою,
Как тихо кольцо на Сатурне звенит.

Далекие звезды мигают в ответ нам,
И кажется, свет их давно нам знаком.
И тянет оттуда на нас межпланетным,
Как будто бы дующим с гор холодком.

Не в сказке, не в фильме, не в книге Жюль
Верна

Пред нами бездонный открыт небосвод.
Признайтесь, в июльскую полночь, наверно,
И вам это чувство уснуть не дает?

Темнеет. Мы в путь отправляемся скоро.
Ракетный снаряд наш рванет напролом,
И будут, светясь, пролетать метеоры
Вдоль окон, задраенных толстым стеклом.

Весь мир будет нами открыт и опознан.
Да есть ли мечте человеческой предел?
Ведь это горят не обычные звезды, —
На них Циолковский когда-то глядел.

Об этом в наших блиндажах
Гвардейцы говорят,
Что часто видели его
В боях за, Сталинград.

Дымилась мерзлая земля,
Но Сталин шел по ней.
Бойцы об этом говорят,
И, значит, им видней.

Он шел в шинели фронтовой,
В пороховом дыму,
И были мысли и сердца
Обращены к нему.

В часы затишья и в часы
Тревожной темноты,
Как легендарный командир,
Он обходил посты.

Его на полустанке Н.
Заметили вчера,
Он со стрелками говорил
И грелся у костра;

Он на исходном рубеже
Беседовал с полком,
С бойцами в тесном блиндаже
Делился табаком;

Над картой города сидел
И думал день-деньской,
И шел в атаку впереди
С простертою рукой;

И в час, когда у пушкарей

Недоставало сил,
Он сам с бойцами наравне
Снаряды подносил.

Не отступая ни на шаг
Под вражеским свинцом,
Он наклонился, как отец,
Над раненым бойцом,

Поцеловал его в глаза
И наградил Звездой,
Из светлой фляги напоил
Студеною водой...

Вот почему в любом огне
Сражался, как солдат,
И выстоял, и победил
Бессмертный Сталинград.

ПЕСЕНКА О ГАРМОНИСТЕ

Был он в городе на Волге самый первый
человек.
Кто слышал его искусство, потерял покой
навек.
Перламутровые планки, канифасовый
ремень.
Тронет клавиш – все оставишь, будешь
слушать целый день.
Да и сам он, чернобровый, всем удачлив
и хорош.
Черны брови, их не смоешь и платочком
не сотрешь.
Да и сам он, непутевый, снился девушкам
во сне
Музыкантом с алым бантом и двухрядкой
на ремне.
Без гармонии жизнь – могила, а с гармонью
веселей.
И была одна девчонка всех подруг ему
милей.
Сколько песен ей придумал, сколько раз
ей руку жал
И в охапку без шапочки до дому
проводил...

Нет в лесу такой березы, чтобы дождик
не мочил.
Нет такой любви на свете, чтоб никто не
разлучил.
Потемнели от пожаров заповедные края.
Что с тобой, земля родная? Что с тобой,

любовь моя?
Он прощался с ней на людях, сердце ныло
от тоски.
Далеко в степи мигали путевые огоньки.
Он склонился темным чубом
к помутневшему окну.
Едет поезд, скорый поезд, едет поезд на
войну.
До свидания, березы, деревянные дома,
Две дощечки через речку – милый город
Кострома.

Беспокойные ракеты озаряли темноту.
Дело было зимней ночью. Шли бои за
высоту.
На десятки верст в округе было видно,
словно днем.
Наступающие роты залегали под огнем.
Позади снега да сосны, смерть и слава
впереди.
И тогда поднялся парень и прижал
гармонь к груди.
Он не клавиши затронул – он сердца
перебирал,
Он играл не на гармонии – на душе своей
играл.
Он играл больной рукою, дважды
раненной в бою,
Он играл перед друзьями песню лучшую
свою.
Вспомнил тройку вороную, с колокольчиком
дугу.
Вспомнил девушку Катюшу на высоком
берегу.
Вспомнил он былую славу, заповедные
огни,
Штурмовые ночи Спасска, волочаевские
дни.
И, услышав тихий голос, люди поднялись
стеной,
Люди шли за русской песней,
за гармоникой родной.
Отбивая в поле числом каждый куст,
за пядью пядь,
Шли бойцы за гармонистом, чтоб от песни
не отстать.
По сугробам и оврагам и по снежной
целине
Впереди веселый парень шел с двухрядкой
на ремне.

Гвардеец, поднимавший над Ростовом
Советский флаг на струганом древке,
Увидел небо в сумраке багровом
И беглые зарницы вдалеке.

Был снежный Дон задумчив и печален.
Еще снаряды ухали во мгле,
Еще дымком тянуло от развалин,
И тех, кто мертв, не предали земле.

Полки входили в боевом порядке.
Гвардеец видел завтрашний рассвет
В разрывах туч, в зеленой лихорадке
Прожекторов и световых ракет.

Шла армия, и ей вослед другая.
Дыханье перехватывал мороз.
А он глядел сквозь вечность, не моргая
Не вытирая замерзавших слез.

САПЕР

Мокрым лесом трясины вымостив,
Десять суток не зная покоя,
В полной целости-невредимости
Возвратился сапер из боя.

Он не ищет особых почестей,
И ему не нужна награда.
Даже водки ему не хочется,
Только б выспаться так, как надо.

Лес шатается, как контуженный.
Вдоль по фронту бежит зарница.
Спит солдат, не дождавшись ужина,
И ему ничего не снится.

Пахнет утро гречихой сладкою.
После боя рассвет спокоен.
Спит укутанный плащ-палаткою
Удивительный русский воин,

Под обстрелом и стужей дикою,
По колено в болотах стоя,
Совершающий все великое,
Как обычное и простое.

ВЕСНА 1945

Весна, весна! Она уже живет
В донских степях, на белорусских нивах,

В порыве рек, несущих талый лед,
В бурливых и стремительных разливах.
В сердцах бойцов, шагающих вперед,
В глазах людей усталых, но счастливых.
Когда на миг наступит тишина,
Мы чувствуем, что к нам пришла весна.

Весна, весна! Она теперь везде:
В полете птиц над ранней бороздою,
В гнезде птенца и в снайперском гнезде
В вечернем небе с первой звездой,
В неторопливом мартовском дожде,
В траншейных рвах, затопленных водою.
С каким волнением замечаешь ты –
На минном поле выросли цветы.

Весна, весна! Она уже вокруг,
Она и ночью не дает покоя.
Благословен в цветах и травах луг,
И мокрый лес, и небо голубое!
Благословен простой крестьянский плуг,
Идущий там, где было поле боя!
В стране моей отныне навсегда
Весна восстановления и труда.

И у тебя в Москве сейчас весна.
Я, как во сне, опять припоминаю:
В асфальте вся Москва отражена,
Весенняя, прозрачная, сквозная.
И ты идешь по улицам одна...
С кем я сравню тебя, моя родная?
С березкою? Она не так стройна.
С весною? Но ведь ты сама весна.

Весна во всем – в небесной бирюзе,
В речной воде, с которой нету сладу,
В болотной оживающей лозе
И в ветре, пробегающем по саду,
В ночной неумолкающей грозе,
Похожей на ночную канонаду.
Навек от горя освобождена,
Сквозь слезы улыбается она.

Я знаю, словно горная река,
Впадающая с грохотом в долину,
Войдет в преданья, в сказки и в века,
В историю, легенду и былинку –
Весна, когда советские войска
Дрались уже на подступах к Берлину.
Как счастлив я, что довелось и мне
Служить на фронте нынешней весне.

Она себе по-прежнему верна,
Певунья, озорница, непоседа.
На тех дорогах, где идет она,
От страшных бурь не остается следа.
И слово долгожданное «весна»
Звучит для нас сегодня, как – победа.
По всей земле, правдива и ясна,
Идет красноармейская весна.

Время учит сносить передраги,
Отдает всё, что взято взаймы,
Превращая окопы в овраги
И могилы в простые холмы.

Терпеливо, привычно и просто
Продолжая свой правильный труд,
Птицы вьют на развалинах гнезда;
На пожарищах маки цветут.

Те места, что казались нам адом,
Изменяют свой сумрачный вид.
Даже тополь, подбитый снарядом,
Распрявиться опять норовит.

И солдат, возвращаясь с друзьями,
Поглядит удивленно окрест,
Не узнав обожженных боями,
Порастающих вереском мест.

Кислые яблоки зреют в саду.
Скоро на елях затеплятся свечи.
Я обязательно завтра приду, –
Всюду предвестники будущей встречи.

Нам напророчили ранний конец.
Милая, это ведь только начало,
Если от близости наших сердец
Новое сердце в тебе зазвучало.

Как мы мечтали остаться вдвоем!
Есть же на свете такая награда.
Чтоб узнавать о терпенье твоём,
Мне ни открыток, ни писем не надо.

В час, когда на небе не было звезд,
Я различал и во мраке сиянье.
Десять шагов или тысяча верст, –

Разве пугает меня расстоянье?!

Здесь я – лишь имя мое назови.
Здесь, протяни только добрые руки.
Что б ни случилось, для нашей любви
Не было, нет и не будет разлуки.

В некоем царстве живет и тоскует царевна,
Ждет – не дождется от милого друга вестей.
Вот уже, кажется, письма пишу ежедневно, –
Сколько я должен тебе сообщить новостей!

Вдруг мне припомнился мельничный домик на Каме,
Тинистый берег и паром покрытая гладь.
Скучные люди уныло разводят руками:
Странно, о чем они могут так часто писать?!
Разве щеглы в палисаде сыром и тенистом,
В час, когда мир озаряется первым лучом,
Раннее утро встречая вознею и свистом,
Ищут напев или думают долго: о чем?!

Видела ты, как всегда осторожно и робко
Тонкие ивы бредут по колено в воде.
Плავает в луже забытая кем-то коробка...
Хочешь, сегодня тебе напишу о дожде?

Травы засохли – стояла жара накануне,
Вдруг потемнело и стало дышаться свежей.
Так бы и начал с рассказа об этом июне,
Или хотя бы с полета вечерних стрижей.

Снится мне полдень в сияющих солнечных слитках,
Скорая встреча и дымный московский вокзал.
Мир необъятен, и, кажется, в этих открытках
Самого главного я до сих пор не сказал.

Затянется пруд темнотой грозовой,
Кора почернеет на дереве голом,
И сумрак запахнет лежалой листвой,
Кадушечным дном, огуречным рассолом.

В минуту такой неземной тишины
Укажет дорогу любая зарубка,
И больше всего человеку нужны
Собака, ружье и вишневая трубка.

Проснувшись от сырости, ильменский бор
Увидит пустые кусты и березы,
Попробует с ними начать разговор
И, даже не выслушав, пустится в слезы.

Он скупко обшарит любой уголок,
Ворча на рассвет, на туман и ненастье.
И будет ему, чудаку, невдомек,
Что это и есть настоящее счастье.

Сквозь сетку ливня и густую мглу
Едва видна готическая кровля.
Идет сегодня на любом углу
Доходная и бойкая торговля.

Торговец все поставил на окно:
Остатки разоренного наследства,
Хрусталь и бронзу, мебель и сукно,
Часы и патентованные средства...

Я не привык отсчитывать гроши
И мерить дружбу рыночной ценою.
Что значат их смешные барыши
Перед моею выручкой дневною?!

Есть у меня бескрайние моря,
Никем еще не мерянные дали,
Есть золотые слитки сентября,
Каких они ни разу не видали.

Есть изморозь на ледяном стекле,
Есть просеки, где вместе мы бывали,
Есть летний дождь на утренней земле
И легкий сон на пыльном сеновале...

И я иду сквозь эту толчею,
Через чужой товар переступаю,
И ничего не перепродаю,
И ничего у них не покупаю.

СЛОВО ВЕРНУВШИХСЯ С ФРОНТА

У военных людей навсегда остается привычка
Не страшиться огня, обживать по-хозяйски леса.
Где б ни начали стройку, какая б ни шла перекличка,
Ты повсюду узнаешь друзей фронтовых голоса.

Пахнут мокрым цементом и свежей сосною деревни,
Очертанья строений растут из ночной темноты,
И стрелок-пехотинец не рубит, а садит деревья,
И сапер-подрывник не взрывает, а строит мосты.

На сожженной планете тебя ожидает работа.

Чертежи и проекты готовы уже в мастерской.
Если нас коменданты с военного спишут учета,
Все равно мы солдаты. Нам рано идти на покой.

Мы умеем работать, умеем не спать до рассвета,
Наводя переправы, стоять по колено в воде,
Письма женам писать, не имея подолгу ответа,
Забывать о себе, помогая другому в беде.

Мы везде сохраняем, как высшее в мире богатство,
Помогавшее нам воевать на чужой стороне.
Бескорыстную дружбу, мужское священное братство
И великую правду людей, побывавших в огне.

ЗНАМЕНА ПОЛКОВЫЕ

Мы в самые жестокие сраженья,
Верны суровой воинской судьбе,
Как раненых друзей, из окруженья
Знамена выносили на себе.

Когда шумела вьюга фронтовая
И падал знаменосец – в этот миг,
Склониться им на землю не давая,
Десятки рук подхватывали их.

Мы видели их в Таллине и Львове,
На гребнях скал, на танковой броне.
Быть может, это капли нашей крови
Остались на нетленном полотне?!

Они вели нас сквозь бои и беды
И осеняли каждый трудный шаг, –
Родные братья Знамени Победы,
Взнесенного бойцами на рейхстаг...

Мы, шапки сняв, прощались с ними стоя.
Прощай, прощай, родимый батальон!
Есть рыцарское что-то и святое
В солдатском почитании знамен.

Своих друзей припомнишь поименно,
Пойдешь на труд, как раньше шел на бой.
И старые гвардейские знамена
Все так же будут реять над тобой.

СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Ни сталь, ни свинец, ни студеная вьюга
Упорство твое не сумели сломать,
Жена и невеста, сестра и подруга,
Воспетая в песнях солдатская мать.

Враги укротить твою волю хотели,
Но ты не согнулась под грузом невзгод.
Крестили тебя фронтовые метели,
Огонь Сталинграда и ладожский лед.

И, видно, была в тебе грозная сила,
Когда, высоко поднимая ладонь,
Ты девичьим голосом произносила
Мужское короткое слово: «Огонь!»

Вспоили тебя наши чистые реки,
Взрастил твою вольность простор наш большой.
Уж если ты дружишь, то, значит, навеки.
И если полюбишь, то всю душой.

Отважная в битве, горячая в споре,
Правдивая в дружбе, крутая в борьбе,
Сердечная в песне, спокойная в горе, –
Советская женщина, слава тебе!

ИМЕНЕМ ПОБЕДЫ

Я услышал гул издали
В небе с грозовою синевою.
Пробивая путь сквозь облака,
Пел мотор над утренней землею.
Долго я глядел на небосвод,
Где почти не оставалось следа.
Это был военный самолет,
Названный конструктором: Победа.

Величав, стремителен и прост,
Прям и тонок, как струна стальная,
Предо мной возник прозрачный мост,
Берега реки соединяя.
Видел я, как свет вечерний гас,
Отражаясь в мраморе и меди.
И сказал мне зодчий в этот час:
– Новый мост я посвятил Победе!

Был литейный озарен, как днем.
Сотрясали кузницу удары.
Бережно следили за огнем
Мудрые уральцы-сталевары.
Сталь текла, в мартенах отпылав...
И сказал мне мастер в час беседы:
– Этот новый первосортный сплав
Мы назвали именем Победы.

За железным кружевом оград
Встали клены молодой посадки.

Я вошел в большой тенистый сад,
Где листва играла с солнцем в прятки.
Яблоко мне подал садовод:
– Добрый друг, возьми его, отведай.
Много лет растил я этот плод
И теперь назвал его Победой.

Над просторным шелковым ковром
Мастерица тихо напевала
И напев свой чистым серебром
На ковре цветами вышивала.
Этот удивительный узор
Завещали ей отцы и деды.
– В честь кого ты ткешь такой ковер?
И она сказала: – В честь Победы!

В самые лихие времена
Мы о ней с волнением мечтали.
Пусть же воплощается она
В краске, в слове, в камне и металле.
Наш великий доблестный народ,
Перенесший горести и беды,
Все, что строит, все, что создает,
Называет именем Победы!

КУРГАНЫ

Курганы, курганы, курганы,
Курганы в донецкой степи, –
Куда ни взгляни из вагона,
Куда, из ворот ни ступи.
Не смей ни к чему прикасаться,
Здесь камни – и те горячи.
Здесь солнце такое, как будто
Его выплавляли в печи.
То холмик мелькнет при дороге
Над свежим простором Донца,
Не крест, а кусок антрацита
На скромной могиле бойца.
То коршун почти неподвижно
Замрет в синеве грозовой,
И снова курганы, курганы,
Поросшие жесткой травой.

Дороги, как серые реки,
Текут от села до села.
История в куртке шахтера
По этим дорогам прошла.
Не здесь ли Пархоменко слету
Садился в казачье седло,
И черная бурка комдива
Была, как воронье крыло?

Не здесь ли земляк Ворошилов
На Волгу прокладывал путь,
Не в эти ли горькие травы
Склонил свою голову Рудь?
Как будто бы залпы орудий
И нынче гремят вдалеке.
Курганы, курганы, курганы, —
Патронные гильзы в песке.

К нам слава отцов переходит,
Как старый клинок боевой.
Не здесь ли с друзьями своими
Встречался Олег Кошевой?
Он часто любил подниматься
На этот обрывистый склон,
И в мареве летнего зноя
Лежал перед ним Краснодон.
Он долго глядел на дороги,
На отмели высохших рек,
Как будто бы это мгновенье
Желая продолжить навек.
Курган, где провел он с друзьями
Немало счастливых минут,
В родимом его Краснодоне
Курганом Олега зовут.

Под этим пылающим небом
Мы все, как в одной мастерской.
Ты смотришь на вечное пламя,
Глаза прикрывая рукой.
Твои обожженные пальцы
Привыкли к огню и литью.
Неси у печей пятилетки
Бессменную вахту свою.
Дыши этим яростным ветром,
Вступай со столетьями в спор,
Бери эту тяжесть на плечи,
Руби эти скалы в упор,
Откалывай целые глыбы
И время вперед торопи...
Курганы, курганы, курганы,
Курганы в донецкой степи.

РАССВЕТ

Я помню, как светало в Краснодоне,
Как пел спросонок утренний гудок
И предо мною, словно на ладони,
Лежал степной шахтерский городок.

Студеная заря по всем приметам
Предсказывала ветреные дни.

Одни из склонов озарялись светом,
Другие были все еще в тени.

В тяжелых тучах, в клочьях серой пены
Рассвет был хмур и все-таки красив.
Шахтеры возвращались с третьей смены,
Последние лампадки погасив.

Над ними стлалось небо голубое,
У их колен склонялись ковыли, –
Как будто это утро из забоя
Они с собой на землю принесли.

ДОНЕЦКАЯ НОЧЬ

Хотел бы ты видеть рожденье земли?
Взойди на один из высоких курганов.
И ты различишь в неподвижной пыли
Свеченье морей и кипенье вулканов.

Ты ясно увидишь на склоне крутом
Зарницы и молнии странного цвета,
Туманные пятна, из коих потом
Сложилась и наша жилая планета.

Дымится порода, и тлеет трава.
Как будто бы, всех взбудоражив сиреной,
Какой-то гигант, засучив рукава,
Готовит похлебку для целой вселенной.

Ночной небосвод раскален и багров.
Всю степь от Вергунки до Красного Яра
Наполнили вздоха подземных миров.
Шипенье и свист паровозного пара.

Ты свет ее сразу узнаешь во мгле,
Увидишь огни, что ни разу не гасли, –
И низко поклонись этой земле
В кипящей смоле, в неостывшей золе,
В железных ромашках, в мазуте и масле.

ШАХТЕР

В промытой дождем гимнастерке,
В штанах, что на камнях протер,
Стоит на высоком пригорке
Вернувшийся с фронта шахтер.

Качается горькая мята.
Земля, как булыжник, кругла.
И тень от фигуры солдата

На тысячи верст пролегла.

Осиливши тягу земную,
Стоит он, склонясь на откос,
Как будто бы в лаву родную
Ногами, как памятник, врос.

И видит он в угольных тучах
Рассвет, отраженный в Донце,
И поле в рогатках колючих,
Как будто в терновом венце.

Видна ему даль грозовая,
Вершины родных пирамид.
От солнца глаза прикрывая,
Он в судьбы земные глядит...

Как эта вот в облаке дыма
Бегущая вдаль колея,
Во веки веков нерушима
Шахтерская правда твоя.

СТАЛЕВАР

Вот сталевар, похожий на бойца,
Присевшего на отдых перед схваткой,
Негнущейся брезентовой перчаткой
Стирает пот с горячего лица.

Он узнает родимые края
В прозрачной дымке утреннего часа.
Он узнает седой рассвет Донбасса
В багровых вспышках плавки и литья.

Леса и трубы, мачты и копры
Чернеют в поле сумрачно и строго.
С утра пылит песчаная дорога,
Вся в трещинах от ветра и жары.

Там, где стоит он, – склон горы крутой
То меркнет, то светлеет временами,
И над Донбассом вспыхивает пламя,
Как будто флаг над взятой высотой.

ЖЕЛЕЗО

Мастеров, покоряющих эту природу,
Окружает почет.
Зачерпни из, реки эту горькую воду, –
В ней железо течет.
Никому не дано в поединке жестоким

Горняков побороть.
Раскуси это яблоко, полное сока, –
В нем железная плоть.
Здесь ночные огни и зарницы рассвета
Заключили союз.
Даже дождь здесь бывает железного цвета
И железный на вкус...
Оживут города, зарубцуются раны
У верховий Донца.
А железа здесь хватит на фермы, на краны,
На людские сердца.

МОЙ ГОРОД

Здесь в пять часов уже никто не спит,
Горят в степи огни земных созвездий.
То скрип колес, то гулкий стук копыт
С утра до ночи слышатся в подъезде.
Здесь выпадает черный снег зимой,
Здесь крестят небо вспышки автогена.
Ночная смена движется домой,
Идет навстречу утренняя смена.
И, раздувая зарева во мгле,
Подобно негасимому сиянью,
Лежит в огромном каменном котле
Старинный город над рекой Луганью.
Всё в этом царстве вечного труда
Знакомо мне и дорого до боли.
Тяжелый шлак и горная руда
Служили мне учебниками в школе.
Здесь встали рядом, годы победив,
Любовь отцов и преданность сыновья.
Здесь в сквере спит прославленный комдив,
Всегда держа клинок у изголовья.
В пыли и стружках, в щебне и золе,
Подобно величавому сказанью,
Лежит в огромном каменном котле
Любимый город над рекой Луганью.

Багровый свет пронизывает тьму.
Литое солнце плавится над миром.
И только город всё еще в дыму,
Он, как чертёж, намеченный пунктиром.
Всё раскалилось – ничего не тронь,
Летят из топок тысячи дождинок.
Здесь две стихии – камень и огонь –
Вступают в беспощадный поединок.
И вырубленный мастером в скале,
Как памятник труду и созиданью,
Лежит в огромном каменном котле
Суровый город над рекой Луганью.

МЕЧТА

Застигнутые непогодой,
весну во все лопатки кроя,
Мы коротаем ночь в поселке
с десятником Энергостроя.
На гвоздике у самой печки
висит сырая плащ-палатка,
Мигает сонными глазами
неприхотливая лампадка.
Чернеют две огромных тени
под потолочную резьбою,
Как будто это два гиганта
ведут беседу меж собою.
Десятник достает из сумки
Тугую папку с чертежами,
И карту синюю, как небо,
развертывает перед нами.
Она истрепана на сгибах
и так же вытерта у края,
Как всё выдавшая на свете
твоя двухверстка фронтовая.
Его ладонь лежит на плане,
заняв спокойно три квадрата.
– Вот здесь, – он говорит, – площадка
для будущего комбината.
Еще в наброске инженера,
еще в наметках сметы жесткой
Само грядущее пред нами
пылит строительной известкой.
Я вижу очертанья улиц,
широкой площади просторы.
Встают мосты над берегами,
почти лишенные опоры.
Здесь так продумана любая
второстепенная частица,
Что весь полет воображенья
сумел в бетоне воплотиться.
Мечтатель я неисправимый,
меня за это не осудят.
Мне не дает всегда покоя
не то, что есть, а то, что будет.
Не ветер бьется в наши ставни,
от ранней сырости намокнув, –
В такую полночь дует Время
сквозь незаклеенные окна.
Перекликаются вокзалы
невидимыми поездами,
Гудят шоссейные дороги
натянутыми проводами.
И в старой куртке из брезента,
покрытой пылью водяною,

Работает весенний ливень
за деревянной стеною.

Когда над шахтой мы прибили знамя, –
Как будто море с мачты корабля,
На сотни верст открылась перед нами
Холмистая рассветная земля...

Вот как бывает иногда в Донбассе –
Ютишься в уцелевших блиндажах,
Ругаешься с прорабами на трассе,
Ворчишь на недочеты в чертежах,

За пеленою копоти и газа
Не различаешь солнца вдалеке.
Корпишь над сметой, ночью спишь вполглаза,
Трясешься под дождем в грузовике,

Промокнешь вдрызг, устанешь до предела
И вдруг увидишь, словно с высоты,
Всю правоту затеянного дела,
Всю красоту строительной мечты.

ПАРТИЗАН

Таким он писан на полотнах.
И, поседевший, с давних пор,
Он в землю врос – большой и плотный
И небо головой подпер.

Стоит, прикрыв глаза рукою,
Как будто в ней бинокль зажат,
Как будто цепи за рекою
Семнадцать лет плашмя лежат.

Как будто кони бьют копытом
И на подмогу ночь и день
Несется по шляхам разбитым
Наркома скачущая тень.

В кольце железном город милый.
Он мчит к Луганску своему,
Как будто Острая Могила
Еще в пороховом дыму.

Как будто в каменном молчанье
Пустые улицы стоят...
Так приезжают луганчане
В Москву на праздничный парад.

И самый старый грозно плачет,
Когда, оправивши темляк,
По Красной площади проскачет
На белой лошади земляк.

МОЙ ЗЕМЛЯК

На уступчатой вершине
Тень железного копра.
Едет в собственной машине
Мой земляк Иван Гора.

Едет он легко и бойко,
Улыбается хитро –
В глаженном костюме «тройка»
Из материи «метро».

Шляпа с дымчатой каймою,
Набок сбитая слегка.
Только щеки с синевою
Выдают в нем горняка.

Спят орлы на кручах старых.
Степь дымится, горяча,
Отражаясь в быстрых фарах
Голубого «Москвича».

А вокруг трава сухая
Дышит пылью и теплом,
И гудит, не утихая,
Третья скорость за стеклом.

Хорошо идет машина,
Прямо с места взял стартер.
Если б мог увидеть сына
Старый горловский шахтер –

Тот, что был обвалом ранен,
Выжил, вопрекор судьбе,
Кто, как старый каторжанин,
Вез «салазки» на себе,

Кто в пластах родного края
Зарубил глубокий след,
Кто, спины не разгибая,
Поседел в шестнадцать лет,

Кто растратил все здоровье
По землянкам и углам,
Кто под старость харкал кровью
С черной пылью пополам, –

Посмотрел бы на шахтера,
Как он правит «Москвичом»,
Как от ветра и простора
Чует крылья за плечом,

Как мотор дрожит от прыти,
Как летит, одета в дым,
С белым облачком в зените
Степь донецкая пред ним...

В ГОРОДКЕ, ГДЕ МЫ ЖИВЕМ

Разве есть на целом свете
Лучше улицы, чем эти,
Здесь мы знаем каждый дом.
Пахнет свежестью лесною
И сады цветут весною
В городке, где мы живем.

В этом доме мы родились,
В этой школе мы учились,
Здесь мечтали мы вдвоем.
В этой речке мы купались,
В этом парке мы влюблялись
В городке, где мы живем.

Не забыть нам берег речки,
Деревянные крылечки
И рябины под окном,
И крутые переулки,
И счастливые прогулки
В городке, где мы живем.

Мы, конечно, не столица,
С нею трудно нам сравниться,
Но и мы не отстаем.
Мы талантами богаты, –
Есть свои лауреаты
В городке, где мы живем.

И со всей большой страной
Мы живем мечтой одною,
Общим заняты трудом, –
Мы со всеми, не иначе,
Смотрим телепередачи
В городке, где мы живем.

ШАХТЕРСКОЕ СЛОВО

Слова, как горный пласт, крепки,
Как пламя, вдохновенны.
Сошлись в нарядной горняки

Перед началом смены.

Как в небе облачном гроза,
Как пурпур на знаменах,
Сверкают гневные глаза
На лицах запыленных.

В ладонях лампочки зажав,
Сошлись в ночную пору
Хозяева подземных лав,
Донецкие шахтеры.

В морозную глухую ночь
По первым снежным тропам
Они собрались, чтоб помочь
Французским углекопам...

Вольнолюбивый край, ты вновь
Встаешь в дыму пожаров,
И на твоих знаменах кровь
Потомков коммунаров.

Опять безжалостный металл
Разит друзей без счета.
Опять простой бульжник стал
Оружием патриота.

Опять, опять, как в давний миг,
На языке железа,
Окликая мертвых и живых,
Грохочет «Марсельеза».

Так значит, Франция жива.
Мы твердо верим в это.
К вам сквозь огонь дойдут слова
Шахтерского привета.

Для смелых сердцем нет преград:
Через моря и горы
Сегодня громко говорят
С шахтерами шахтеры!

МОЛОТОЧЕК

Мы третью неделю в Донбассе живем
И видим из окон, как строится дом,
Растет он, как песня по строчкам.
И где-то под кровлей, должно быть уже
У самых небес, на седьмом этаже,
Строитель стучит молоточком.

Он смотрит оттуда сквозь годы вперед,

Он камни в проворные руки берет,
Он славится точностью кладки.
И вот чертежи воплощаются в быль.
Распахнуты окна, и рыжая пыль
Мои осыпает тетрадки.

К нам за ночь во все проникает углы
Дыхание клейкой сосновой смолы
И запах раскрывшихся почек.
Заснуть не давая, всегда об одном
У нашего дома, под самым окном,
Стучит и стучит молоточек.

Меж тем за границами нашей страны,
Готовя проклятое дело войны,
Сенаты выносят решения.
Но слышен им стук молоточка во мгле, —
И все, что творится сейчас на земле,
Имеет к нему отношенья.

Пугают враги его новой войной,
Писаки заморские брызжут слюной,
А мастер не знает отсрочек.
Премьеры и мэры в отставку идут,
Но вечно живет человеческий труд, —
Стучит и стучит молоточек.

У нас с этим парнем прямое родство.
И каждое утро я песню его
С волнением слушаю снизу.
А мастер поднялся навстречу мечте,
И облачко с ним на одной высоте
Неслышно скользит по карнизу.

У настезь открытого нами окна
В любую погоду с утра дотемна,
Ни дней не считая, ни ночек,
Заботливо строя людское жилье,
Уверенно делая дело свое,
Стучит и стучит молоточек.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Паровозным гудком растревожена
На просторах твоих тишина.
Хороша в это утро погожее
И светла ты, родная страна.

Хороши твои рощи зеленые
И простые цветы на лугу.
Все гляжу я в окошко вагонное,
Наглядеться никак не могу.

На заре этой песней негромкою
Огласились поля и леса.
Опоясаны алой каемкою
Над рассветной землей небеса.

И, любуясь речными затонами
И вершинами в вечном снегу,
Все гляжу я в окошко вагонное,
Наглядеться никак не могу.

А вокруг все родное и близкое,
Все добыто в нелегком бою.
Никакими словами не высказать,
Как мы любим отчизну свою!

И поет мое сердце влюбленное,
И колеса поют на бегу.
Все гляжу я в окошко вагонное.
Наглядеться никак не могу.

ЗАЛЕСЬЕ

Разыгралась непогода, недалеко привал.
После долгого похода полк заночевал.
Спит село прифронтовое в ильменских снегах.
Патронташ – под головою, карабин – в ногах.
Вдруг, испуганный спросонок странной тишиной,
Вскрикнул маленький ребенок рядом, за стеной.
И тогда с постели встала, силясь не дремать,
И, над ним склонясь устало, вдруг запела мать.
Скрип крестьянской колыбели слышен за стеной.
Может, так когда-то пели в детстве надо мною.
И светилося надо мною тускло и темно
Застекленное слюдою зимнее окно.
И не так ли, полный дремы, усыплял меня
Запах высохшей соломы, слабый треск огня.

Значит, стоит жить на свете, воевать с бедой,
Подниматься на рассвете с первою звездой.
Проходить в огне и громе, по ночам не спать,
Чтобы в этом мирном доме тихо пела мать.

ТИШИНА

Навевает скуку и дремоту
Над передним краем тишина,
Зябкий дождик ходит по болоту,
Будто впрямь окончилась война.

Лес недвижим, и недвижны люди.
Тихо так, что слышно иногда,

Как с брезентовых чехлов орудий
Капает осенняя вода.

Пахнет мокрым лесом и покоем.
Но в каких-нибудь трехстах шагах,
За холмами, вспаханнми боем,
Ходит враг. Мы помним о врагах.

Непроглядна ночка фронтовая.
Редко-редко замерцает свет,
Блиндажи и небо покрывая
Обморочной белизной ракет...

Мы в такую ночку забываем
О тепле, об отдыхе и сне.
Если тихо над передним краем –
Никогда не верьте тишине.

АПРЕЛЬ

Начиналось с того, что воронки
Поросли прошлогодней травой.
Начиналось с того, что в сторонке
Подбоченился тополь кривой.

Начиналось с ночного озноба,
С отсыревших углов в блиндажах,
Начиналось с апрельских сугробов,
Ноздреватых, как хлеб на дрожжах.

А кончалось привычно, как дома,
Сладким клеем на тонкой коре,
Перепалкой весеннего грома,
Переключкой скворцов на заре.

Между соснами омут сверкает,
Озаренный сияньем до дна.
«Кто идет?» – часовой окликает.
И ему отвечают: «Весна!»

ДРУЗЬЯ

Снайперам Северо-Западного фронта Семену Номоконову и Тогону Санжееву

По рекам льдины проплывали, стояли мартовские дни,
Не знаю, на каком привале случайно встретились они.
«Как звать тебя? Откуда родом?» – спросил Санжеева Семен.
«Наш род охотничий, старинный! С далеких славится времен.
Мой прадед бил не раз медведя, мой дед ходил на промысла.
Тайга Санжеевых взрастила, и нет Санжеевым числа.
Я всюду находил удачу и даром не спущу курка.
И если я патрон истрачу, то уж всегда наверняка». –

«Добро! – сказал с улыбкой снайпер. – Слова без дел всегда пусты.
Ты рассуждаешь, как охотник. Посмотрим, как стреляешь ты».
Старинный спор стрелков искусных – охотников таежных страсть:
С трехсот шагов в коробку спичек Санжеев должен был попасть.
Тогон склонился у приклада, три раза выстрелил подряд.
И пуля в пулю – три заряда всадил без промаха бурят.
«Отныне ты мне будешь другом... Мой патронташ к твоим услугам,
Моя еда – твоя еда. Твоя беда – моя беда.
Я покажу свои законы, свои охотничьи места...» –
Сказал с улыбкой Номоконов, не вынув трубки изо рта.

Тунгус-охотник был спокоен, как повидавший виды воин.
Он за четыреста шагов, как ястреб, чувствовал врагов.
Войдет в блиндаж, устав с дороги, накрошит в трубку табачок,
Шинель подстелет, скрестит ноги, глаза закроет и – молчок.
Он курит трубку из березы, и дым свивается в кольцо.
Как-будто выбито из бронзы его спокойное лицо.
Он был хитер и осторожен. Зато горячим был бурят:
Как ножик, вынутый из ножен, глаза веселые горят.
Он шел по тропкам шагом скорым, он спал, не закрывая век.
О нем тунгус сказал с укором: «Весьма бедовый человек».
Он клятве был до смерти верен, среди людей бесстрашных рос,
От частых встреч с таежным зверем он стал, как рысь, слегка раскос.
Всегда готов любой ценою помочь товарищу в беде...
Они сдружились на охоте в орлином снайперском гнезде.
В дождливом месяце апреле, когда прохладен был привал,
Полою собственной шинели тунгус бурята укрывал.
И даже в трудную минуту – закон тайги друзьям знаком –
Они бы жизнью поделились – так, как делились табаком.

Охотник – за передним краем. Где он проходит, мы не знаем.
Среди пристрелянных высот советский снайпер гнезда вьет.
Огонь гуляет перекрестный, и смерть глядит со всех сторон.
Его походку знают сосны, щеглам подсвистывает он.
Искусство снайперского дела заключено в умение ждать
И негиблемую волей чужую волю побеждать.
Он ночью вышел на охоту и ждет в окопе до утра.
Вгоняет снайпера в дремоту глухая песня комара.
Его внезапно могут выдать лучи рассвета на стволе
И вспышка солнечного зайца в двояковыпуклом стекле.
В болоте сапоги промокли, но он не выйдет из гнезда.
В трофейном цейсовском бинокле стоит, как в озере вода,
Сиянье северной лазури, поросший ельником овраг...
Но вот в далекой амбразуре мелькнул неосторожный враг.
Его на мушку снайпер схватит, таков у снайпера закон:
Он на врага всегда истратит один-единственный патрон.

В глухом лесу, в болотном месте противник посадил стрелков.
Они всегда держались вместе – извечна тактика волков.
Они втроем перебежали, втроем ложились в мокрый мох,
И день, и ночь подстерегали, чтоб взять кого-нибудь врасплох:
То справа выстрелы, то слева. Санжеев вышел на троих

Охотник почернел от гнева, три дня выслеживая их,
Он вызвал их на поединок, он их стерег у всех тропинок.
Он бил врага на этот раз, как тарбагана, в левый глаз.
Он шел, упрямо сдвинув брови. Так учит мстителей тайга:
Охотник, зная цену крови, живым не выпустит врага.
Губами черными от жажды он воду пил из быстрых рек
О нем тунгус сказал однажды: «Весьма бедовый человек»
В засаде зверя карауля, он осторожность забывал
Чужая снайперская пуля его скосила наповал.

Лицом прикинув к амбразуре, свалился замертво Того
Он был в лесу, на волчьей шкуре, женой охотника рожден:
И он любил денек хороший с медвежьим следом на снегу
И всю в подвесках, всю в пороше замороженную тайгу
Дымок походного обеда, заварку чая в котелке
И нож, доставшийся от деда, с ручной резьбой на черенке
Любил он голос леса слушать, когда вокруг дымилась мгла
И, наострив по-волчьи уши, его собака стерегла
У амбразуры мертвый замер. Но грозен был его оскал
Он даже мертвыми глазами добычу в зарослях искал
Как следопыт из детской сказки, он будет жить всегда
Пусть прострелена на каске красноармейская звезда
Он будет прятаться по склонам, ходить в засаду у реки,
И в гнезда, свитые Тогоном, придут его ученики.

На войнах освящен веками обряд солдатских похорон:
Бойцы с примкнутыми штыками стояли с четырех сторон.
Лицо буряты задевая, переплелись между собой
Сухая кашка полевая и желтоглазый зверобой.
В венок вплели горошек скромный и горьковатый чистотел.
А лес стоял большой и темный, как будто он осиротел,
Смыкая горестные чащи высоких сосен и берез,
Отяжелевший и молчащий от подступавших к горлу слез.
Меня шаг на остановках, в седой пороховой пыли,
На двух прославленных винтовках его товарищи несли.
Его зарыли под горою, где ельник выжженный поник.
Винтовку павшего героя в наследство принял ученик.
В ней сохранилось два патрона. Винтовка теплою была,
Как будто в ней от рук Тогона еще осталась часть тепла...

Веками освятили люди обряд солдатских похорон:
Здесь только музыка орудий, здесь нет оркестров и знамен...
Но где же снайпер Номоконов? Скажите, где сейчас Семен?
Он, как всегда, ползет по скатам, по гнездам снайперским своим,
Тропой, где он ходил с бурятом, известной только им двоим.
На дне знакомого оврага, на старом месте, как всегда,
Лежит санжеевская фляга, а в ней – вчерашняя вода.
Он, словно ястреб, не моргая, глядит в сырую темноту,
Опасный путь перебегая с погасшей трубкою во рту,
И горе немцам в том болоте, когда он ходит в тишине
И, чтоб не ошибиться в счете, зарубки ставит на сосне.

Я славлю этот лес старинный, дремучих сосен разговор,
Звучащий северной былиной, поросший вереском простор.

Поля и тропки фронтовые скупой и строгой красоты
Родные сердцу, полевые, почти бессмертные цветы
Товарищей, что спали рядом в трясущемся грузовике,
В воронке, вырытой снарядом, на орудийном передке.
Я славлю сыновей России, готовых биться до конца
И их охотничьи, лихие, неукротимые сердца.

ЧУБЧИК

Сняты с коней пыльные попоны.
Гул колес тревожит тишину.
В исполкоме играют телефоны.
Мы стоим в Ростове-на-Дону.
В куртке кожаной и в фуражке штатской,
Чем вас потчевать, как вас величать?
Вдоль по Пушкинской, мимо Петроградской
Ходят девочки с Чубчиком гулять.
Семь часов от боя и до боя,
А потом — обратно по фронтам.
Двух соперниц он водит за собою,
Третья ходит сзади по пятам.
Первые признания, девичьи страдания,
Блузка маркизетовая, крашенная бровь.
Это фронтовые короткие свидания,
Это городская неверная любовь.
А к рассвету — армия готова.
Гром подков тревожит тишину.
Поезда уходят из Ростова,
А Ростов остался на Дону...
Схвачен Чубчик в Раменской станице,
Ночью раненый уходил ползком.
Вместе с ним в истопленной больнице
Пол-России хворало сыпняком.
Смертным бредом бредила больница:
«Вот и вышла точка с запятой.
Я прошу вас, доктор и сестрица,
Сохраните мне чубчик золотой.
Не стригите машинкой нулевою,
Не давайте лечебного питья.
Срежьте чубчик вместе с головою,
Без него не будет мне житья...»
Вновь трубят сраженья и тревоги.
Скачут всадники в навесном огне.
Где же Армия? Армия в дороге.
Где же Чубчик? Снова на коне.
На Урале и у родного Дона,
На прохладном на степном Донце
Бьют в глаза пробитые знамена,
Пляшет пламя на его лице.
И взлетает ветром перевитый,
Мелкими колечками лихо завитой,

Выжженный на солнце, шапкой не покрытый,
Чубчик нерасчесанный, чубчик золотой.

РАБОТНИКИ СВЯЗИ

Наледью черной, сухой и колючей корою,
Острым торосом покрыты дороги земли,
В трудное время, суровой и зимней норую
В нартах собачьих московскую «Правду» везли.
Мехом медвежьем и кожей сырой покрывали
Письма и книги, посылки, узлы и тюки.
Снег кипятили. На кратком и вьюжном привале
Псы задыхались, высунув языки.
Катятся тучи, сгорают сполохи над ними,
В темной дороге полярные звезды ведут.
Так они гибнут и трижды выходят живыми,
Падают трижды — и, трижды вставая, идут.
Свищут упряжку и в путь собираются снова
Дымной дорогой, холодной ночной стороной...
Ты понимаешь, как здесь относятся к слову,
Если оно достается такую ценой.

ПРИЯТЕЛЬ

Старый лгунишка Кола, вечный поэт и бродяга,
Снова ты пьян, как всегда, слушать предания рад.
В глиняной кружке твоей пенится черная брага.
Собран удачно ячмень, славно поспел виноград.
Пахнет парным молоком, былью и сказкою давней,
Близостью летней грозы и переменной судьбы.
Вымыты чисто полы, и от решетчатой ставни
На полосатой стене — пыли и света столбы.
Снова ты станешь меня свистом будить на рассвете,
На молодое вино в дом зазывая к себе.
Будешь опять вспоминать все, что увидел на свете,
И неизменно учить скверным словам и резьбе.
Станешь учить не терять в жизни короткого часа,
Счастье найдя — не зевать, все потеряв —
не грустить,
Обруч на бочку набить, жарить на вертеле мясо,
Пить — точно жажда всегда, жить — точно шутку
шутить.
Каждой минутой своей, жизнью и сказкою каждой,
Сердцем, руками творца, связками нервов и жил
Так принимать этот мир, будто, измученный жаждой,
Сам ты придумал его и как стихи изложил.

МОСКОВСКАЯ РАДИОСТАНЦИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ О ПРИЕМЕ В ВУЗЫ

Мне кажется, я снова б мог начать

Сидеть над нерешенными столбцами,
Лишений и забот не замечать
И жить, е трудом сводя концы с концами.
Иметь бы только музыкальный слух,
И, выступив с успехом на концерте,
По всем предметам успевать за двух,
И, как скворец, свистать до самой смерти.
Я так играл бы, доводя до слез
Любой струной и пьесою любой —
Апрельским ветром на стволах берез,
Смычком дождя на гребешках прибоя.
Мне б научиться возводить дома,
Взрывая скалы и грунты расчистив.
Вот так природа строила сама
Кристаллы снега и прожилки листьев.
В конечном счете возраст ни при чем,—
Пройдя года голодного ученья,
Я мог бы стать внимательным врачом,
Спасать от боли, назначать леченье.
И я б лечил не пылью порошков,
Не скукою больничного покоя,—
Сырой прохладой винных погребков,
Попутным ветром и водой морскою.

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

На любом расстоянье от дома, в дороге любой,
В ожидании завтра и день провожая вчерашний,
Я включаю приемник, и нас обручает с тобой
Тень знакомого города, песня невидимой башни.
Чуть колышется марево тихих ночных голосов,
Городских фонарей, перевернутых в мокрой панели.
«Лебединое озеро» кончилось, скоро двенадцать часов,
И подъезды театра один за другим потемнели.
Наконец ты выходишь, почти не касаясь крыльца,
Возникая из ночи неслышно и неповторимо,
Подурнев от усталости, робко стирая с лица,
Как следы поцелуев, следы театрального грима.
Может, впрямь ты когда-нибудь белою птицей была,
А явилась на землю в земном человечесьем обличье,
Сохранив у плеча ощущение живого крыла,
Лебединую легкость, повадки и слабости птичьи

СЕДЬМАЯ СИМФОНΙΑ В МОСКВЕ

Наверное, помните вы,
Как стужа тогда пронизала
Ночные кварталы Москвы,
Подъезды Колонного зала.
Была непогода скупа,
Снежком припушенная малость,
Как будто бы эта крупа
По карточкам нам выдавалась.

Но город, окованный тьмой,
С уныло ползущим трамваем,
Был этой осадной зимой
Прекрасен и незабываем.
Когда композитор бочком
Пробрался к подножью рояля,
В оркестре смычок за смычком
Проснулись, зажглись, просияли.
Как будто из мрака ночей
Дошли к нам порывы метели.
И сразу у всех скрипачей
С подставок листы полетели.
И эта ненастная мгла,
В траншеях свиставшая хмуро,
Никем до него не была
Расписана как партитура.
Над миром катилась гроза.
Еще никогда на концерте
Так близко не чувствовал зал
Присутствия жизни и смерти.
Как дом, от полов до стропил
Охваченный пламенем сразу,
Оркестр, обезумев, вопил
Одну музыкальную фразу.
Ей пламя дышало в лицо,
Глушила ее канонада.
Она прорывала кольцо
Блокадных ночей Ленинграда.
Г удела в глухой синеве,
Весь день пребывала в дороге
И ночью кончалась в Москве
Сиреной воздушной тревоги.

ЛЕСНОЙ ГОРОДОК

На голом месте мы вкопали столб.
День новоселья не был здесь отменен.
Сложили стены, сколотили стол,
Врубили дверь и затопили печи.
Грибная сырость, запах мха и клея.
Здесь жили люди на краю земли.
И после, ни о чем не сожалея,
Легко собрались и легко ушли.
Но кто расскажет, как на этом месте,
Где по ветру шумит случайный хлам,
Мы жили вместе, умирали вместе
И допаяк делили пополам.
И так безмолвны на полях военных
Пустые блиндажи и шалаши,
Как будто навсегда осталась в стенах
Частица человеческой души.

МОКРЫЙ ОСТРОВ

Что за пропасть, в самом деле,
Неуемный, проливной,
Вот уж скоро две недели
Дождь бормочет за стеной.
Знать, уж так самой судьбою
Суждено мне с давних пор
Слушать вечно над собою
Черных сосен разговор.
Видно, мне еще немало
Предстоит встречать людей
От привала до привала,
От дождей и до дождей.
Помнить дружеские тайны,
Лица, званья, имена
Всех попутчиков случайных,
С кем свела меня война.
С кем прощался на рассвете,
С кем в пути совет держал,
С кем в походном лазарете
В тесной комнате лежал.
За окошком — ночь сплошная,
Кажется, что часть села,
Как флотилия речная,
Поднялась и поплыла.
Церковь маковкою острой
Мутно светится во мгле.
Мокрый Остров, Мокрый Остров,
Самый мокрый на земле.

ТРИ РЕКИ

Переменчивы и быстры,
Как поласковой их назвать, —
Есть у Ильменя три сестры:
Пола, Полометь и Ловать.
Кто проехал у этих рек,
В ясной памяти уберег
Избы, срубленные навек,
И часовенки у дорог.
Каждый берег, любой затон
Обещает большой улов.
И над реками слышен звон
Новгородских колоколов.
Если станешь на их мостах, —
Ветер с Ильменя, благодать,
Правый берег лежит в цветах,
Лева берега не видать.
Мимо этой святой земли,
Мимо наших забот и встреч
Так веками они текли,

Так столетьями будут течь.
Танки движутся в тишине,
И от Яжелбиц до Крестцов
Дождь грохочет по их броне,
По зеленым плащам бойцов.
Дни победы твоей близки,
Немцу смерти не миновать
В том порукою три реки:
Пола, Полометь и Ловать.

Возле Едрово у Валдая
Есть неведомый поворот,
Там, вовеки не увядая,
Наше счастье в лесу живет.
Золотые дневные краски,
Нестареющие цветы,—
Все придумано, все из сказки,
Настоящая — только ты.
В старом доме под грушей дикой
Влажный сумрак лесного дня.
Пахнет в комнате земляникой,—
Ты ведь лакомка у меня.
Вижу ясно, как бы впервые,
Чистых заводов синеву.
Отними у меня Россию,
Я минуты не проживу.

ТРОПИНКА ПОД ОБСТРЕЛОМ

Весь лес в обломках свай,
В валежнике горелом.
Не медли, не зевай:
Тропинка под обстрелом.
Она бежит в овраг,
Кустарник огибая,—
И здесь короткий шаг
Длинней, чем жизнь любая.
С утра пригорок пуст.
Туман стоит над миром.
И служит каждый куст
Врагу ориентиром.
Здесь снайпер бьет в упор,
Таясь за валунами.
В оптический прибор
Здесь смерть следит за нами.
Но, осеняя нас,
На это поле боя
Приходит в сутки раз
Великий час покоя.
Лишь только в тишине

Скрипит сосна больная,
В своем столетнем сне
О чем-то вспоминая.
Лишь облачко взойдет
С передовых позиций,
И весь его полет
В озерах отразится.
Да зашумит едва,
Тяжелым сном объята,
Бывалая трава —
Полынь, чабрец и мята.
Нелегко труд войны,
Недолг час привала.
И снова тишины
Как будто не бывало.
Ты продолжаешь путь,
К земле прижавшись телом.
Смотри, не забудь:
Тропинка под обстрелом.

НОЧНОЙ ВОКЗАЛ

Опять дорога во тьме ночной
Железным скрипом меня терзала,
Когда возникло передо мной
Виденье раненого вокзала.

Толпа валила из всех дверей,
Теснилась в залах и на перроне.
И в нимбе газовых фонарей
Она казалась потусторонней.

А дождь стучался в разбитый кров
И у подъездов дремал устало,
Как будто пыль от иных миров
Сюда на землю к нам долетала.

Шли пассажиры из темноты,
Перегибаясь под грузом ноши.
Мерцали кожанки, и зонты,
Плащи, накидки, и макинтоши.

Быть может, в мире такого нет,
Быть может, полночь нам подсказала
И этот ветер, и этот бред
Слепого каменного вокзала.
Я видел в окнах чужой уют,
Где люди счастья не сохраняют,
Где все, что можно, распродают,
Где всем торгуют и все меняют.

Чужие судьбы в чужой стране,
Как паровозные клочья дыма,

Не прикасаясь в пути ко мне,
И днем и ночью летели мимо.

Стоял особый дорожный дух,
В вагонах было темно и тесно.
И, под навесом собравшись в круг,
Солдаты пели чужую песню.

Лишь дождь, растерян и одиноко,
Уныло шлепал по тротуарам.
Уже раздался второй звонок,
И все на свете покрылось паром.

А песня гасла в моем уме
И так же медленно исчезала,
Как исчезают в неверной тьме
Платформы раненого вокзала.

Мне диктовала строки непогода.
В сырой землянке, ночью или днем,
Я рифмовал четыре с лишним года
Бетон с железом и свинец с огнем.

И если эти записи былого
Я вновь тебе при встрече перечту,
Пускай к тебе придет сегодня снова
Хотя бы привкус пороха во рту.

И ты, объятый прежним ощущеньем
Давно прошедших и забытых дней,
Быть может, остановишься с волненьем
Перед пехотной музою моей.

ШАХТА № 5

Здесь, наверно, и был их последний привал,—
Та же степь расстилалась, не зная предела,
Тот же ветер порывистый с ног их сбивал,
Та же старая шахта протяжно гудела.

Так же брезжил в степи невеселый рассвет,
И река огибала прибрежные мели.
Сыновья Краснодона, шестнадцати лет
Эти мальчишки плакать уже не умели.

Те же птицы в деревьях кричали с утра,
И над шахтой стояла песчаная вьюга.
Здесь они и прошли — от стены до копра,
На последнем пути подбодря друг друга.

Вот тропа, по которой ребята брели,
Спотыкаясь, слабея от каждого шага...
Всюду вереск, он вырос в песке и в пыли
На вершине холма и на склоне оврага.

Он взобрался на выступы угольных скал,
На забытой дороге пророс в беспорядке,
Он под ржавыми рельсами путь отыскал,
Он пробился сквозь трещины каменной кладки.
В поле тихо и пусто — зови не зови,
Только ветер шумит на обрывистом склоне.
Есть поверье, что вереск растет на крови,—
Сколько вереска видели мы в Краснодоне!

СТАРЫЙ ШАХТЕР

Стали с годами нетвердыми ноги,
выцветшим — взор.
Тихо идет по рудничной дороге
старый шахтер.

Что им испытано, что пережито,
вспомни и взвесь.
Словно старик из куска антрацита
вырублен весь.

Не за богатством спускался он в норы
угольных скал, —
Скромным и строгим был камень, который
он высекал.

Не иссякала горняцкая сила
трудной порой.
Трижды порода его хоронила
в шахте сырой.

Вел Ворошилов его на Царицын
шляхом побед.
Стали виски у него серебриться
с памятных лет.
Правду свою — над страной, над веком,
в зной и мороз,
Он, словно «зорьку», по угольным штрекам
всюду пронес.

Даром он в жизни не прожил ни часа,
сын горняков.
Всюду оставил он в лавах Донбасса
учеников.

С ним говорил на степных косогорах

терпкий ковыль.
В черную кожу въедалась, как порох,
черная пыль.

Если б собрали вы все, что он добыл,
в грузную клеть,—
Все человечество в стужу смогло бы
руки согреть!

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЛНЦА

И была вначале тьма:
Вековая кутерьма
Ливней, ветров и туманов,
Нежилых материков,
Неокрепших ледников
И кипящих океанов.
Где-то под земной корой,
В прорве мрачной и сырой,
Ночью слышались удары,
И тогда с огнем в руках
В деревянных башмаках
Появились сталевары.
Это был такой народ,
Не боявшийся невзгод,
У железа взявший силу,
Укрощающий огонь,
Приучающий ладонь
К раскаленному горнилу.
Вот они, вступив в права,
Засучивши рукава,
Принесли купель стальную
И, натружено дыша,
Из тяжелого ковша
Пили воду ледяную.
Эти парни без рубах,
В синих дымчатых очках
Знали все секреты сплава:
И, покорна и светла,
По изложницам пошла
Огнедышащая лава.
Перехватывая дух,
Ослепляя все вокруг,
Первых звезд взлетела горстка,
И остался в небе след,
И сказал: «Да будет свет!»
Сталевар из Краматорска.
И тогда на гребнях гор,
Затевая дерзкий спор
С вековой окрестной мглою,
Возвестив начало дня,
Все из стали и огня

Встало солнце над землею.

РЕМОНТ БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ

Поражая внушительным весом,
Глыба камня под краном плывет,—
Смотрят немцы с большим интересом
На ремонт Бранденбургских ворот.
Признаюсь, мы с тобой виноваты,
Мой дружок, фронтовой мой собрат,
В том, что в майские дни в сорок пятом
Здесь был сильно испорчен фасад.
Здесь все в той же отчаянной позе,
От испуга отпрянув назад,
Как в разбитом военном обозе,
Одичавшие кони стоят.
Лишь репейник колючий и длинный
Прорастает в расщелинах плит.
Только в Западной зоне Берлина
Этот страшный урок позабыт.
Пахнет краской и пылью кирпичной
Это тихое утро труда.
Словом, все здесь сейчас, как обычно,
Как бывает на стройке всегда...
Но порыв мой поймете вы сами,
Когда вдруг на фанерной доске:
«Осторожно, не стой под лесами!» —
Я на русском прочел языке.
Я под сенью гранитного свода
С непокрытой стою головой,
Рядовой сорок первого года,
Ополченец второй мировой.
Сам шагавший без сна и привала,
Сам спасавший свой собственный дом,
Сам терявший на свете немало,
Я мечтаю теперь об одном:
Чтобы дети различных народов
Без боязни глядели вперед,
Чтобы не было лишних расходов
На ремонт Бранденбургских ворот.

СОЛОВЕЙ

Отдернув полог занавески
И весь преобразившись в слух,
Средь звуков ночи бенаресской
Я различил знакомый звук:
То робко, как бы с неохотой,
То все живее и живей
В раздумье ноту брал за нотой
Обыкновенный соловей.
Он, славя ночь чужого края,
Такие трели выдавал,

Ни от кого не ожидая
Аплодисментов и похвал.
Молчали на деревьях птицы,
На миг прервав возню свою.
Молчали храмы и гробницы,
И все внимало соловью.
А он давал концерт свой шефский,
Он пел бесплатно для друзей,
Владея в полном совершенстве
Колоратурою своей.
И в это самое мгновенье
Он нам напоминал о том,
Что суть совсем не в оперенье,
А дело в пении самом.
Я узнавал по всем приметам
Напев знакомый и живой.
Не он ли пел нам прошлым летом
В лесном поселке под Москвой?
Он к нам летел, забыв усталость,
Сквозь снег и дождь, сквозь боль и тьму.
Как видно, нелегко давалась
Простая песенка ему.
Во влажной мгле индийской ночи
Его с волнением слушал я.
Пой, серый маленький комочек,
Мне так понятна песнь твоя.
Я тоже в самых теплых странах
Не забывал земли своей.
Я тоже — песенник и странник.
До новой встречи, соловей.

ГРУЗЧИКИ СПЯТ...

Кто сказал, что для этого непременно нужны одеяла
И уютный ночник на тумбочке, озаряющий темноту.
Положив булыжник под голову, тяжело и устало
Безработные грузчики спят в Абиджанском порту.
До утра позабыты все огорчения сразу:
То, что ждет их семья, то, что нет ни розинки во рту.
Погружаясь в дремоту, как идут в глубину водолазы,
Безработные грузчики спят в Абиджанском порту.
Но и даже во сне кто-то бочки вдоль берега катит,
Кто-то носит мешки, кто-то грузы берет на борту.
На прогретом асфальте, как на двуспальной кровати,
Безработные грузчики спят в Абиджанском порту.
Вам знакома эта забота о горстке маисовых зерен,
Вы когда-нибудь знали о черствой лепешке мечту?
Как больные деревья, подрубленные под корень,
Безработные грузчики спят в Абиджанском порту.
Но ведь дал для чего-то им бог эти сильные ноги,
Эти клетки грудные, этих бронзовых спин наготу.
Словно ношей тяжелой раздавленные на дороге

Безработные грузчики спят в Абиджанском порту.
Как лежат они здесь одиноко и жалко,
Рты раскрыв и по-детски колени прижав к животу.
Словно ржавые краны, отправленные на свалку,
Безработные грузчики спят в Абиджанском порту.
Им бы складывать стены, вздывать над водой виадуки,
Прорубаться сквозь чащи и грузы ловить на лету...
Но, раскинув на камне абсолютно ненужные руки,
Безработные грузчики спят в Абиджанском порту.

В ГВИНЕЙСКОМ КИНО

Ну, влажность здесь, черт побери, —
Табак размокает до крошки.
Мы с вами сейчас в Конакри,
В дешевой гвинейской киношке.
Прокуренный зрительный зал,
И сумрак, глядящий в ворота,
Как будто его вырезал
Из черного дерева кто-то.
То тут возникая, то там,
Неясные движутся тени,
И где-то стучится тамтам,
Как Африки сердцебиение.
А рядом, на ветке кривой,
В крутом атлантическом мраке,
Повиснувши вниз головой,
Летучие дремлют собаки.
Под самое сев полотно,
Все скамьи заняв и ступени,
Мальчишки, как в каждом кино,
Ногами стучат в нетерпенье.
Лучом просиявшим из тьмы
Вечерний сеанс этот начат.
А зрители так же, как мы,
И верят, и любят, и плачут.
И пусть им иная звезда
В тропическом светит тумане,
Понятна им наша беда
И слезы Самойловой Тани.
И вот уж курлыканье птиц
Во мраке слышней и слышнее.
Искусство не знает границ,—
Летят журавли над Гвинеей.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ АФРИКА?

Что же такое Африка, —
Быть может, куст ризофоры, вцепившийся в берег
упрямо,
А может быть, это голый парень, стучащий в кожу
тамтама,

А может быть, это ночь с голосами гиен, захлебнувшихся
в смехе,
Или Африка это — девчонка с грудью крепкой, как
кокосовые орехи,
Или это — большая сейба, под ветвями которой
расположилось селенье,
Или же это — печь, в которой обжигаются будущие
поколенья,
Или это — земля, где зной напоминает порою стужу,
Или это — женщина, ежегодно приносящая двойню мужу,
Или это — молочный сок, что течет по стволу из надреза,
Или это — маленький бог из дерева тяжелого, как железо,
Или это — поющий бамбук, снабженный только одной
струною,
Или это — черноглазый малыш у матери за спиною?
И все-таки что же такое Африка,—
Может быть, это — яростный ритм, что в сердцах их
живет постоянно,
Или это — статуи прежних властителей, грудой
сброшенные у океана,
Или это — таинственный Южный Крест, чуть светивший
мне до рассвета,
Или это — первая в Конакри говорящая правду газета,
Или это — музыка напряженных рук, или спин
пропотевших глянец,
Или это — танец, упорный, как труд, или это — труд,
красивый, как танец,
Или это — Атлантика, обдававшая нас бесноватой своею
пенной,
Или это — тропическая гроза, похожая на конец
вселенной,
Или это — океанский прибой, не знающий ни минуты
покоя,
Так что же такое Африка, что же это такое?

БАЛЛАДА О РОБОТЕ

Суставы скрипели сердито,
Сверкал кинескоп из-под век.
Когда из подвалов НИИТа
Железный сбежал человек.
Вдруг ожила глыба металла,
Пластмасса, нейлон и стекло.
Дитя кибернетики встало
И людям навстречу пошло.
За тонкою нитью другая
Зажглась в его памяти нить.
И вышел он, тяжело шагая,
Как будто учился ходить.
Он вышел, смешав все расчеты,
Антенную выгнув дугу,—
И смутное вспыхнуло что-то

В его электронном мозгу.
Кепчонку как можно попроще
На лоб нахлобучив тупой,
Он вышел на шумную площадь
И сразу смешался с толпой.
С тех пор его часто встречали
Идущим сквозь ветер и тьму,
И все человечьи печали
Доступными стали ему.
Искусственный маленький идол,
Себя не щадя ни на миг,
Врагов он живых ненавидел
И в женщин влюблялся живых.
Разлуку, и счастье, и злобу —
Он все испытал на веку.
Тогда и почувствовал робот
То жжение в левом боку.
Что думал он в это мгновенье —
Поди разгадай и пойми.
И робот упал на колени,
Как это бывает с людьми.
Пружина заныла устало,
Потом замолчала, хоть плачь.
И, глядя на глыбу металла,
«Инфаркт!» — констатировал врач.

КЛОУН

Башмаки «Скороход»,
Пиджачок обветшалый и тесный.
У Никитских ворот
Повстречался мне клоун известный.
Ваш сосед или так,
Никому не знакомый прохожий,
Кто он, этот чужак,
На афиши свои не похожий, —
Может, вечный студент,
Иль начальник, убавивший в весе,
Или просто агент
Из бюро похоронных процессий.
То, как жизнь не проста,
Вы могли б догадаться едва ли, —
Лишь морщинки у рта
С головою его выдавали.
Да похожий на бег
Этот шаг с косолапинкой малость,
Вызывавший не смех,
А скорее щемящую жалость.
Да упрямый вихор,
Что торчит никогда не приглажен.
Да еще этот взор,
Как у волка, когда он зафлажен.

Шляпы старый фасон,
На штанах мешковаты колени.
Как поверишь, что он
Вечерами царит на арене.
То невесть отчего
Он замрет, и о чем-то мечтает.
То себя самого
Оп с манежа метлой замедает.
То он тащит ковер,
Как большой муравей озабочен.
И звенит до сих пор
У него в голове от пощечин.
И беспечный на вид,
И печаль за улыбкою спрятав,
Отовсюду глядит
Он на нас с трехметровых плакатов.
Пусть проходят года,
Как вода
по неведомым руслам,
А смешное всегда
Неизменно соседствует с грустным.

ВОЛНУЙТЕСЬ

После взятых бастилий
Неужели сдаваться?
Вот и мне запретили
Доктора волноваться.
Помаленечку горбясь,
Жить с согбенной спиной,
Лицемерье и подлость
Обходя стороною.
Если силы иссякли,
Ограничиться малым, —
Посещая спектакли
Со счастливым финалом.
Быть не слишком горячим
И не очень веселым,
Научась неудачи
Запивать валидолом.
Хуже медленной смерти
Прозябание на свете...
Вы не верьте, не верьте
В предписания эти.
Жизнь, как новую повесть,
Начинайте с абзаца,
Прямо с ходу готовясь
В эту драку ввязаться.
Пробивайтесь сквозь ветер,
Как тропинка крутая,
Горе ваших соседей
Вашим горем считая.

Коль обиженный плачет,
Проявляйте нервозность.
Дайте недругу сдачи
Без поправок на возраст.
Не робей, любуйтесь
Распахнувшейся бездной,
И волнуйтесь, волнуйтесь, —
Это очень полезно!

КОНЦЕРТ ЛЕОНИДА КОГАНА

Застигнуты ливнем затемно,
Мы мокрой бредем дорогою.
Сегодня в больнице атомной
Концерт Леонида Когана.
Хотя бы на время малое
Забыв обо всем безумии,
Больные в повязках марлевых
Застыли в дверях, как мумии.
Открылась в дыму и копоти
Им прожитых лет бессмыслица.
Они еще с нами в комнате,
Но в списках погибших числятся.
Послушный руке хозяина,
Судьбою их озабоченный,
Гварнери кричит отчаянно,
Как раненый у обочины.
Сверкает поверхность лаковая,
Смычок, растерявшись, мечется, —
Как будто бы впрямь оплакивая
Погибшее человечество.
В бинты или гипс заковано
Здесь горе самой Японии,
Но нам не найти Бетховена
Для атомной той симфонии.
Почти в гробовом безмолвии
По нервам, вконец издерганным,
Летит, высекая молнии,
Смычок Леонида Когана.
И люди, поверив в лучшее,
Как верят в свободу узники,
В молчании стоя, слушают
Последнюю в жизни музыку.

НЕ ЗАБЫВАЙ!

Когда умчат тебя составы
За сотни верст в далекий край,
Не забывай своей заставы,
Своих друзей не забывай.
Не забывай, как белой пеной
У нас сады цветут весной.
Не забывай, как после смены

Встречались мы у проходной.
Не забывай родные дали,
Родных небес простор и высь.
Не забывай, о чем мечтали
И в чем с тобой мы поклялись.
Не забывай, что после вьюги
Опять в цветах приходит май.
Не забывай своей подруги,
Своей любви не забывай.

МЕЛОВАЯ-РОДАКОВО

Небольшой полустанок – Разъезд Меловая.
Расставанье. Вторые звонки.
Изменяя цвета и в пути отставая,
За буграми бегут огоньки.

Все в спокойном движенье и вечном горенье,
В антрацитной колючей пыли,
Будто только присутствуешь при сотворенье
Неожиданно новой земли.

Здесь по-братски друзья разделили со мною
Вдохновенье, тревоги и труд.
Я их слышу – они за моею стеною,
Только кликни – и сразу войдут.

Полустанки ночные. Столбы верстовые.
Кочевое степное жильё.
За дорогой бегут огоньки путевые...
Здесь оставил я сердце свое.

АЛЧЕВСКАЯ НОЧЬ

То дымятся породы и сланцы,
То идет в преисподней литье,
То багровые протуберанцы
Языками оближут ее,

То, пред ней отступая в сторонку,
Затрещит оползающий пласт,
То откроет внезапно заслонку,
Дунет в уголь и жару поддаст.

Но умыта к утру мостовая,
И в конторах подводят итог,
И дымится земля, остывая,
Как с железной начинкой пирог.

Перестрелка в кузнечных глухая,
И бледнее горят фонари...
Так вулкан, навсегда потухая,

Беспрерывно кипит изнутри.

ЛУГАНЧАНИН

Парень в походной военной больнице
Капли лечебные пьет.
В белом халате седая сестрица
Воду ему подает.

И над палаткой глухой и унылый
Редко просвищет снаряд.
Парень оставил под Острой Могилой
Первый Рабочий Отряд.

– Наше звено подступало к пригорку...
Пахло степною травой...
Дайте мне снова мою гимнастерку,
Флягу с холодной водой.

Вспомнил он снова столбы, виадук,
Смутные воды Донца.
Тяжко повисли шахтерские руки,
Мертвые руки бойца.

С жесткой подушки и простыни чистой
На руки поднялся он.
Тихо играли к рассвету горнисты,
Было светло от знамен.

Шли от Гусиновки, шли от Камброда,
С темного Гартмана шли –
Храбрые люди, посланцы народа,
Дети донецкой земли.

Все ополченье его боевое,
Страшная сила в бою,
Всё, за что отдал он сердце живое,
Краткую юность свою.

ДОНБАСС

На каменной земле цветы растут с трудом
И сохнут деревца в донецком чахломе сквере.
Вот город мой, мой необжитый дом –
Фанерные некрашенные двери.

Холодные огни у городских мостов –
Свидетели предутреннего часа.
Что я принес тебе? Букет степных цветов –
Скупое украшение Донбасса.

Я много знал с тобой и радостей и слез,

Я хлеб солил твоею горькой солью,
Твоею правдой жил, с тобою рядом рос,
Горел огнем твоим, болел твоею болью.

Учи меня – атаке лобовой,
Прямой наводке, штыковому бою,
Военным песням, жизни фронтовой,
И если есть судьба, то будь моей судьбою.

ТВОРЧЕСТВО

Неистребимый маленький народ –
Фотографы и техники зубные,
Тапёры, продавцы фруктовых вод,
Часовщики и дамские портные.

Не я проклятье первым произнёс.
Мне диктовали вымершие предки,
С глазами, воспалёнными от слёз,
Смеющимися холодно и редко.

Боявшийся переступить порог,
Погубленный портняжной мастерскою,
Мне это дядька выдумать помог,
Водя по строчкам мёртвою рукою.

Меня сосед предупредил о том,
Захлёбываясь детскими слезами,
Тщедушный мальчик с постаревшим ртом,
С испуганными птичьими глазами.

И умиравший много лет назад,
Меж приступами кашля в промежутке
Прижившийся на лестнице солдат
Мне это всё поведал в виде шутки.

И если прерывался мой рассказ
Невнятицей и выдумкой сплошною,
То это под дождём дворовый вяз
В бессоннице беседовал со мною.

КРЫМСКАЯ НОЧЬ 2

Тихая точность может быть во сне – видны
Эскизы ледников и вод.
Почти над самой выжженной травой и клубится
Непогода грозовая.
Меж небом и распаханной землёй дугообразный
Установлен свод.
Как будто я впервые вижу мир и как создатель
Вещи называю.

На чёрную землистую ладонь беру прозрачный
Восковый предмет,
Коричневатый хвостик откушу и, поцарапав
Шкурку наливную,
Найду двенадцать зёрнышек внутри, в итоге
Этих качеств и примет
Я изучу зелёное ядро и яблоком его наменую.
Когда мой сын немного подрастёт, я дам ему
Моток морских сетей,
Потом открою заповедный шкаф и подарю
Свою библиотеку,
Я дам ему лопату и ружьё. Нам нужно так
Учить своих детей,
Чтоб им давалось всё с большим трудом, как
В первый раз давалось человеку.

ЮНОСТЬ

Знаешь ты, как сделана лопата,
Кельма каменщика, клещи кузнеца,
Бур проходчика, трехгранный штык солдата,
Легкое оружие бойца.
Точно город, заново открытый,
В детстве в первый раз передо мной
На земле просторной и разрытой
Вырос мост – прозрачный и стальной.
Пахло щебнем, краской и цементом,
Не хватало бута и песка.
Шла борьба с кулацким элементом –
Ночью проверяли пропуска.
С непривычки руки натирало,
Я плевал на них и вновь копал.
И в короткий час перед завалом
На столе конторском засыпал.
Чтоб сводить мосты и строить стены
Из прямого камня – плитняка,
Все мудры, просты и совершенны –
Молот, штык, лопата и кирка.

Я ЗНАЮ ВСЕ ДОМАШНИЕ СЕКРЕТЫ

Я знаю все домашние секреты,
Хозяйственные нужды и дела,
Семейные альбомы и портреты,
Еще когда ты девочкой была.
Вот здесь фотограф долго мучал,
Дарил игрушки, подносил цветы
И вдруг поймал тот долгожданный случай,
Когда сквозь слёзы улыбалась ты.
Вот твой портрет с весёлой рыжей прядкой,
Вот снимок твой двенадцать лет спустя,
Где ты смеёшься, зубы сжав, украдкой,

Ещё – не женщина, но больше – не дитя.
Я знаю все уловки, все движенья,
Как будто заклиная и любя,
Я силой одного воображенья
И выдумал и вынянчил тебя.

СТАРЫЙ ПИЛОТ

Он за картой следил, он друзей провожал,
И приветствовал их и завидовал им.
Он четырнадцать раз в лазарете лежал
И четырнадцать раз оставался живым.

И в двадцатом году он кружился орлом
На прошитых врагами фанерных листах,
С перебитым, горящим, как факел, крылом,
На больных кораблях, на воздушных гробах.

И когда мы считали его мертвецом,
Он являлся с разбитым на части винтом,
С посиневшей рукой, с рассеченным лицом,
Перевязанный накрест кровавым бинтом.

Сколько сбито врагов, сколько прожито лет,
Бесконечных, бессонных опасных ночей.
А потом постарел, и ушёл в лазарет,
И надолго остался в плену у врачей.

Он лежит на кровати, седой и больной,
И тоскует и смотрит в пустые углы.
В этот час на рассвете над нашей страной
Залетают его молодые орлы.

Вот он снова широкими крыльями бьёт,
Оживает и гибнет в открытом бою.
И в отважном птенце он себя узнаёт
Ослабевшую старую руку свою

Он покой и тревогу и счастье обрёл,
Он за красною птицей по карте следит,
И выходит гулять. И как старый орёл
На огромное синее небо глядит.